Master Negative Storage Number

OCI00055.04

Zriakhov

Mikhail Novogorodskii

Moskva

1874

Reel: 55 Title: 4

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00055.04

Control Number: BGP-7308
OCLC Number : 25331855
Call Number : W 381.5917N Zr8m
Author : Zriakhov, N.
Title : Mikhail Novogorodskii, ili, Narushennaia kliatva : rossiisko-istoricheskii roman v 3-kh chastiakh / sochinenie N. Zriakhova.
Edition : Izd. 5.
Imprint : Moskva : Tip. T. Ris, 1874.
Format : 3 v. in 1 ; 17 cm.
Subject : Chapbooks, Russian.
Subject : Russia History Fiction.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: Carmen Trinidad

3.116

МИХАИЛЪ НОВОГОРОДСКІЙ,

ИЛИ

НАРУШЕННАЯ КЛЯТВА.

РОССІЙСКО-ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ 3-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ Zriakhov, N
Н. Зряхова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

МОСКВА.
Типографія Т. Рисъ, у Яузской части, д. Медынцевой.
1874.

Дозволено цензурой. Москва, 31-го января 1874 г.

Когда Новогородская область, подъ властолюбивымъ правленіемъ ея Посадницы, Марфы Борецкой, клонилась уже къ своему паденію, но гордый духъ Новогородцевъ еще поддерживался на вѣчахъ народныхъ хитросплетенными рѣчами Марфы, возмущающей умы гражданъ, крѣпко стоять за свою родину, — и на всѣ требованія Іоанна, Князя Московскаго, отказать. — А чтобы болѣе склонить гражданъ къ общей пользѣ и славѣ, въ которой она предусматривала только свою собственную, то представляла имъ — ихъ могущество, силу, цвѣтущую торговлю съ Ганзою и другими городами, и что якобы получаемое отъ оной величайшее

богатство Новогородцами, родило въ Іоаннѣ зависть, подъ предлогомъ дружелюбныхъ и мирныхъ предложеній ищущаго подчинить своему владычеству Новгородъ. Что она, любя свое отечество и славу Новогородцевъ, содѣлавшихся страшными врагамъ своимъ и сосѣдямъ, громкими побѣдами своею доблестію, совѣтуетъ имъ не упадать въ духѣ и поставить свое многочисленное и храброе воинство противъ силъ Московскихъ, если Іоаннъ вздумаетъ идти на нихъ.

Друзья Марфы, слѣдуя ея совѣтамъ и наставленіямъ, поддерживали на вѣчахъ рѣчи своей Посадницы и старались внушить ненависть къ Іоанну Князю Московскому и любовь къ своему отечеству и свободѣ. — Люди благородные и опытные, опровергая слова Посадницы и ея друзей, совѣтовали удовлетворить требованія Іоанна, и тѣмъ миновать гибельной съ нимъ войны. — Но видя,

что могущественная партія Марфиныхъ сообщниковъ болѣе дѣйствовала на умы гражданъ, принуждены были, въ горестномъ отчаяніи, ожидать грозы, готовой разразиться надъ Новгородомъ.

Между сими гражданами, какъ величественный дубъ, растущій на неприступной скалѣ и пренебрегающій бурями, возвышался своимъ благоразуміемъ, геройскими подвигами и убѣдительнымъ на вѣчахъ гласомъ, юный Михаилъ Новогородскій, воспитанный знаменитымъ изъ гражданъ Андреемъ Сильнымъ, который, при кончинѣ своей, завѣщалъ Михаилу все свое великое богатство, съ добродѣтелями и высокими чувствами души въ наслѣдство ему доставленное.— Сей мужественный и прекраснѣйшій юноша одинъ только могъ одерживать преимущество надъ друзьями Марфины-ми — и заставилъ, своимъ благоразуміемъ, Новгородцевъ съ восхищеніемъ себя слушать.

Марфа, какъ женщина хитрая и властолюбивая, положила въ мысляхъ своихъ, подъ блестящими видами и обѣщаніями, присовокупить юнаго Михаила къ своей партіи.

Въ одинъ вечеръ, собравъ тайный совѣтъ своихъ друзей въ ея домѣ, она послала гонца съ приглашеніемъ Михаила къ себѣ для весьма нужнаго дѣла, который не замедлилъ къ ней явиться.

Удалившись съ нимъ въ самую отдаленную комнату своего дома, она, какъ сирена привлекательнымъ своимъ гласомъ, старалась влить въ душу Михаила ядъ ласкательства, и заманить въ хитрыя свои сѣти.

— Михаилъ!—сказала ему Марфа;— я давно хотѣла тебѣ открыть самую лестную для тебя тайну, что ты рожденъ повелѣвать милліонами людей....

Михаилъ (*въ величайшемъ удивленіи.*). Этого быть не можетъ!

Марфа. Невѣрующій глаголанному, невѣренъ будетъ и клятвѣ своей.

Михаилъ. Марфа! клятвопреступленіе противно душѣ моей. Мое слово столько же бываетъ вѣрно, какъ обѣтъ данный предъ Богомъ.

Марфа. Я все это очень знаю, и потому избрала тебя быть защитникомъ Новгородцевъ. — Дай мнѣ торжественную клятву, исполнить ихъ и мои надежды.

Михаилъ. Согласенъ, если ты откроешь мнѣ тайну моего рожденія.

Марфа. Хотя я тебѣ и не дала еще не сіе обѣщанія, но исполню, коли ты поклянешься самъ удовлетворить мое желаніе.

Михаилъ. Какая для тебя нужна клятва?

Марфа (*взявъ его за руку*). Пойдемъ! ты самъ все увидишь и услышишь; но я напередъ тебя предупреждаю, что ты обязанъ все это сохранить во глубинѣ

души твоей, если наши предложенія будутъ тобою отвергнуты.

Михаилъ. Даю честное слово!

Марфа. Довольно. Я его столько-же уважаю, какъ и торжественную клятву, которая въ устахъ Михаила, равное съ той имѣютъ дѣйствіе. — Оно свидѣтельствуетъ въ нашей безопасности. Пойдемъ!

Михаилъ, ведомый Марфою за руку чрезъ многіе переходы, входитъ наконецъ въ большую комнату, обитую чернымъ сукномъ, въ четырехъ углахъ коей горѣли четыре люстры, ярко отбрасывающія лучи свои на нѣсколько Марфиныхъ сообщниковъ, сидѣвшихъ въ глубокомъ молчаніи за большимъ столомъ, покрытымъ чернымъ же бархатомъ, на которомъ лежала мертвая голова, на двухъ положенныхъ на кресты обнаженныхъ мечахъ, и стоялъ златой сосудъ. — Большая книга,

оправленная въ золотой переплетъ, лежала предъ однимъ изъ сидящихъ.

При входѣ Посадницы съ Михаиломъ, все собраніе встало съ мѣстъ своихъ, и отдавъ первой глубокое почтеніе, опять помѣстилось на своихъ сѣдалищахъ.

— Вотъ, храбрый и благоразумный Михаилъ Новогородскій, усыновленный Андреемъ Сильнымъ, который по просьбѣ моей, желая вступить въ нашъ союзъ, пришелъ утвердить клятвою съ нами единодушное намѣреніе извлечь Новгородъ изъ опасности.

Все собраніе вторично встаетъ съ мѣстъ своихъ и протягивая къ Михаилу свои руки, изъявляетъ неожиданную радость, и сажаетъ его по лѣвую руку Марфы.

— Для меня весьма кажется удивительнымъ, — возразилъ Михаилъ, — что Марфа сію минуту сказала, будто

я только усыновленъ Андреемъ Сильнымъ!

Марфа. Истинно, весь Новгородъ и сіе почтенное собраніе вѣдаетъ, что Андрей сроду не имѣлъ у себя дѣтей, и ты, найденный имъ въ пеленахъ на берегу рѣки Волхова, имъ же въ то время принесенъ на Вадимово мѣсто, положенъ на ступеняхъ онаго, — и когда Андрей ударомъ вѣчеваго колокола собралъ гражданъ нашихъ на народную площадь, то, взявъ тебя на свои руки, и поднявъ вверхъ, произнесъ къ народу слѣдующую рѣчь: Граждане Новогородскіе! сей младенецъ, коего вы зрите на рукахъ моихъ, сего утра найденъ мною на берегу рѣки Волхова, на пеленахъ коего видно, что онъ при крещеніи именованъ Михаиломъ. — А какъ вы знаете, что я, при всемъ моемъ достаткѣ, лишенъ счастія видѣть въ дѣтяхъ моихъ собственныхъ наслѣдниковъ моего имени и богатства; —

принимая сего малютку, какъ даръ низпосланный мнѣ небесами, я буду его воспитывать, какъ собственнаго моего сына, предоставляю ему всѣ мои титла и имѣніе, и содѣлаю достойнымъ сыномъ отечества, которому его посвящаю. — Граждане! да наречется сей младенецъ устами вашими сыномъ Новгорода! — Весь народъ въ восхищеніи — воскликнулъ: Да здравствуетъ Андрей Сильный, почтеннѣйшій изъ гражданъ нашихъ! — да здравствуетъ сынъ отечества, Михаилъ Новогородскій! — и Андрей съ признательностію къ гражданамъ, возвратясь съ тобою въ домъ свой, возлелѣявъ твою юность, доказалъ чрезъ твои геройскіе подвиги и мудрость въ совѣтахъ, свои попеченія, доставилъ Новгороду доблестнаго въ тебѣ гражданина.

Собраніе. Марфа вѣщаетъ истину!

Михаилъ. Да ктожъ я такой?

Марфа. Эта тайна будетъ тебѣ открыта мною, когда ты исполнишь высокія намѣренія сего знаменитаго союза, предсѣдающаго здѣсь; я одна только могу это сдѣлать, ибо одной мнѣ извѣстно твое рожденіе.

Михаилъ. Я согласенъ исполнить возлагаемое на меня попеченіе о спасеніи моего отечества, но напередъ долженъ быть извѣщенъ, какія для сего взяты мѣры?

Марфа. Всѣмъ извѣстенъ нравъ Московскаго Князя, подстрекаемый его любимцами, внушающими ему покорить Новогородцевъ, прекратить ихъ цвѣтущую торговлю съ чужеземцами, отнять ихъ богатство—и содѣлать своими данниками. Совѣтъ сей и народное согласіе, заставило насъ просить помощи у Польскаго Короля, чтобы онъ пріобщилъ свои войска къ нашимъ, обуздалъ намѣренія Іоанна, и уже получены удовлетворительныя граматы отъ сего Го-

сударя, что его ополченія вскорѣ прибудутъ къ намъ на помощь. — А какъ медлительное его исполненіе представляетъ Новгороду опасность отъ нападеній Іоанна, то сіе собраніе, избравъ тебя вождемъ нашихъ храбрыхъ легіоновъ, возлагаетъ всѣ свои надежды на твою мудрость и геройскіе подвиги, съ коими ты одержишь несомнѣнную побѣду надъ Московскимъ княземъ и его воинствомъ, если примешь на себя священную обязанность защитника отечества.

Михаилъ. Я многократно предлагалъ мои спасительные совѣты Новогородцамъ, удовлетворить требованія Московскаго князя, и тѣмъ содѣлать его не врагомъ, а другомъ нашего отечества, которое бы навсегда могло пользоватся своею свободою и цвѣтущимъ состояніемъ; но мои слова не были приняты народомъ, не знаю кѣмъ подстрекаемымъ ложными умствованіями и надеж-

дами, въ такое время, когда наши граждане, чрезъ торговлю свою, пріобретя неизчетныя сокровища, утопая въ роскошахъ и изобиліи, лишились давно мужества противустать доблественнымъ и храбрымъ воинамъ, обыкшимъ къ бронямъ и всѣмъ военнымъ трудамъ, переносившимъ съ терпѣніемъ недостатки въ пищѣ, и сокрушающимъ твердѣйшіе оплоты, удерживающіе ихъ въ пути; а мы, какъ жены облеченныя въ багряницы и злато, въ единыхъ нѣгахъ и пиршествахъ провождающія жизнь свою, не въ силахъ будучи владѣть оружіемъ, можемъ ли вытерпѣть съ мужествомъ нападенія Московскихъ воиновъ, идущихъ на брань съ нами, подъ предводительствомъ своего Государя, окруженнаго знаменитыми храбрыми и опытными вождями, коихъ воинство любя и уважая, стремится по слѣдамъ ихъ къ вѣрнымъ побѣдамъ? Горе! горе нашему слабому отечеству!

Горе и тѣмъ врагамъ его, которые чрезъ отказы Іоанну, оскорбленному народомъ въ лицѣ его посланниковъ, будутъ причиною его погибели! — Но не взирая на все это, я, какъ вѣрный сынъ Новгорода, готовъ посвятить ему мою жизнь и послѣднюю каплю крови: — и почелъ бы себя счасливымъ, еслибъ могъ ими спасти его.

Собраніе вторично изъявило свой восторгъ и признательность Михаилу, — и нѣкоторымъ образомъ согласовалось съ справедливостію его представленій.

Марфа. Оставимъ все на произволъ пекущагося о насъ Творца, Который, руководствуя сильною десницею Михаила, поразитъ враговъ нашихъ; (къ одному изъ собранія): Орестъ, прочти, доблественному Михаилу клятвенное обѣщаніе сего союза, препоясшь его мечемъ — и дай ему выпить изъ сей чаши.

По прочтеніи акта, Орестъ, взявъ мечъ со стола, препоясываетъ имъ Михаила; и Марфа, наполнивъ златый кубокъ пѣнистымъ виномъ, прикушавъ изъ онаго, подаетъ его Михаилу, и потомъ каждому члену собранія попеременно подающихъ свои руки новому своему члену съ дружелюбіемъ.

Марфа. Препоясанный симъ мечемъ и піющій изъ чаши есть нашъ другъ и участникъ во всѣхъ отношеніяхъ, который, если вздумаетъ измѣнить намъ, то злою смертію — да умретъ!

Все собраніе. Лютая казнь измѣннику!...

Марфа. Михаилъ! Ты теперь нашъ другъ и союзникъ, обязанный пещись объ исполненіи высокихъ намѣреній сего собранія. — Ты избранъ нами и всемъ Новгородомъ, быть договаривающимся лицемъ съ Королемъ Польскимъ отъ имени отечества; а равномѣрно и вождемъ Новгородскихъ храбрыхъ легіо-

новъ противу силъ Московскихъ, если Король Польши измѣнитъ нашимъ надеждамъ и ожиданіямъ. — Чрезъ три дня ты долженъ отправиться туда съ граматою, уполномочивающею тебя въ лицѣ всего народа. Отъ сего успѣха будетъ зависѣть спасеніе Новгорода и твоей славы, которая возведетъ тебя на самую высокую степень почестей и величія, тебя ожидающихъ. — Теперь пойдемъ, когда приспѣетъ часъ твоего отправленія въ Польшу, я тебя немедленно извѣщу. — Прощается съ собраніемъ и уводитъ съ собою Михаила, котораго ведя разными лабиринтами, приводитъ къ двери одной комнаты, которая, на тихій стукъ, отворилась, и Михаилъ пораженъ былъ блескомъ и богатствомъ комнаты, въ которую они вошли, а еще того болѣе красотою юной дѣвицы, встрѣтившей ихъ съ пылающими щеками и потупленнымъ взоромъ.

— Это Ксенія, дочь моя, — сказала

Марфа Михайлу, показывая на юную дѣву. — Рука ея вмѣстѣ съ моимъ богатствомъ будутъ принадлежать тебѣ, если благополучно исполнятся наши намѣренія. — Я тебѣ ручаюсь за нее, Михаилъ, что она столь же умна, кротка и невинна, какъ и красота лица ея. — Она твое, а ты ея — составите счастіе, и въ полномъ блескѣ будете сіять на томъ высокомъ мѣстѣ, которое назначено вамъ перстомъ Всевышняго и опредѣленіемъ судебъ Его. — Но, вѣдь, ты знаешь, Марфа, на какихъ условіяхъ я произнесъ клятву предъ собраніемъ? возразилъ Михаилъ — Я уже дала тебѣ обѣщаніе — и исполню его, при твоемъ отправленіи въ назначенный путь; а до того времени не вымогай этой у меня тайны. — Въ тотъ день, когда ты долженъ будешь оставить Отечество, я благословлю союзъ твой съ моею милою Ксеніею — и открою тебѣ все и даже сокровеннѣйшія чувства ду-

ии моей. — А теперь погости у меня хоть краткое время, и дай мнѣ, въ сей священной тишинѣ, насладиться твоею бесѣдою.

По Марфину приказанію, Ксенія поставила на столъ напитки и разныя заѣдки, и подчивала Михаила съ такою прелестною услужливостію, что онъ не могъ отказаться отъ предлагаемыхъ ему, кубка вина и яблока, поднесенныхъ Ксеніею, какъ Парису, назначенному быть судіею трехъ богинь.

Было уже около полночи, какъ Михаилъ оставилъ домъ Посадницы, и размышляя о данной клятвѣ, тайнѣ его рожденія и прелестной Ксеніи шелъ, повѣся голову свою къ богатырской груди, чрезъ одинъ глухой переулокъ, ведущій прямо къ его дому, какъ вдругъ, на поворотѣ изъ онаго на большую улицу, увидѣлъ онъ воина, опершагося на копье свое, тамъ стоящаго, который спросилъ: Кто идетъ?

Михаилъ. Гражданинъ Новгородскій.

Воинъ (*съ восхищеніемъ*). Если не ошибаюсь, то ты Михаилъ, проименованный гражданами Новгородскимъ?

Михаилъ. Точно. Но къ чему служитъ этотъ твой вопросъ?

Воинъ. Къ тому, что я хочу испытать твое великодушіе и мужество, всѣми прославляемое.

Михаилъ. Изволь.

Воинъ. Не можешь ли ты одолжить меня и одну очень любезную особу минутнымъ пожертвованіемъ, сопутствовать мнѣ, гдѣ ожидаетъ тебя невообразимое блаженство?

Михаилъ. Я не понимаю тебя. Что все это значитъ?

Воинъ. Ты узнаешь скоро; только согласись со мною идти.

Михаилъ. Пойдемъ. Вѣрно нынѣшняя ночь послужитъ для меня памятью тѣхъ волшебныхъ лабиринтовъ, которыми ведетъ меня очарованный духъ.

Воинъ (*съ улыбкою*). Такіе духи существуютъ только въ народныхъ сказкахъ; но ты окруженъ гораздо вещественными и опасными врагами.

Михаилъ. Какими?

Воинъ. Самъ скоро узнаешь.

Говоря такъ, они вышли изъ города и вступили въ лѣсъ, которымъ пробираясь, часъ отъ часу заходили все глубже въ густоту.

Михаилъ (*остановясь*), Куда ты меня ведешь?

Воинъ. Неужели храбрый Михаилъ подверженъ малодушію и трусости?

Михаилъ. Я ничего въ свѣтѣ не боюсь кромѣ Бога и дурныхъ дѣлъ.

Воинъ. Послѣднихъ-то и надобно опасаться.

Михаилъ. Они всегда были чужды душѣ моей.

Воинъ. До сего времени и не смѣлъ никто упрекать тебя въ нихъ. — Но

нерѣдко и самые чéстные и благоразумные люди попадаютъ въ лукавыя сѣти.

Михаилъ. Развѣ и я не избѣгъ ихъ?

Воинъ. Немудрено!

Михаилъ. Нельзя ли мнѣ сказать, когда именно?

Воинъ. Враги коварные между людей стократно опаснѣе сыновъ ночи и вѣчнаго мрака.

Михаилъ. Ихъ можно уничтожить и посрамить.

Воинъ. Едва ли! тотъ скорѣй попадется къ нимъ въ когти, кто вздумаетъ уничтожить ихъ хитрые замыслы.

Михаилъ. Пустое! Я одинъ берусь это сдѣлать.

Воинъ. Помысли о словахъ Священнаго Писанія: «не хвались сильный силою, богатый богатствомъ своимъ!»

Михаилъ. Правда, но въ такомъ случаѣ и Богъ помогаетъ,

Воинъ. И попущаетъ иногда за грѣхи наши.

Михаилъ. Ну, такъ открой же мнѣ ихъ, и ты увидишь, что я съ ними сдѣлаю.

Воинъ. Не мнѣ принадлежитъ это; есть человѣкъ, который священнѣе имѣетъ права на сіе открытіе.

Михаилъ. Такъ доставь же мнѣ скорѣй случай его увидѣть. Если я впалъ въ такіе поступки, то хочу ихъ немедленно поправить, хотя вовсе ихъ за собою не замѣчаю.

Воинъ (*съ усмѣшкою*). Да кто и смѣетъ въ Михаилѣ Новгородскомъ сомнѣваться? — Вѣдь онъ не можетъ быть въ тайной связи съ врагами отечества!...

Михаилъ (*вспыльчиво*). Дерзкій! что ты осмѣливаешься говорить мнѣ?

Воинъ (*хладнокровно*). То, что можетъ

всегда сказать честный человѣкъ впад-шему въ порочныя сѣти.

Михаилъ (*хватая его за грудь*). Я! я! докажи мнѣ это сію жъ минуту, или я заставлю тебя къ этому силою.

Воинъ (*съ равнодушіемъ*). Не думаешь ли ты устрашить стараго воина, всег-да пренебрегающаго смертію, своею наглостію; за то, что онъ говоритъ тебѣ правду въ глаза? — Изъ уваженія только къ особѣ, близкой для твоего сердца, я могу простить тебѣ это оскорбленіе; и доволенъ буду тѣмъ мщеніемъ, когда стыдъ покроетъ чело твое, когда докажутъ тебѣ твой про-ступокъ.

Михаилъ. Это однѣ хитрыя твои увертки, чтобъ выиграть время и за-манить меня въ убѣжище своихъ со-общниковъ. Но знай, что я одинъ въ состояніи нѣсколько подобныхъ тебѣ, сопроводить во мраки вѣчной ночи!...

Воинъ. Куда ты первый послѣдуешь, если отвергнешь совѣты человѣка, имѣющаго надъ тобою неограниченную власть. — Но я жалѣю, что теряю минуты съ человѣкомъ безразсуднымъ, легкомысленнымъ и дерзкимъ, который, за одолженія хочетъ лишить меня жизни. — Прощай! Иди путемъ къ несомнѣнной погибели, стыду и безчестію!... Это было первое и послѣднее мое съ тобою свиданіе въ этомъ мірѣ!.... (*хочетъ идти*).

Михаилъ (*пришедшій отъ запальчивости въ разсудокъ*). Остановись! прости неумѣстной моей горячности! — Я виноватъ предъ тобою, ибо легко можетъ статься, за добрые твои совѣты наградилъ тебя столь дурно; чему причиною служитъ сіе мѣсто, время и слова твои, показавшіяся подозрительными и насмѣшливыми. — Но, Бога ради! выведи меня скорѣй изъ этого очаровательнаго

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

всегда сказать честный человѣкъ впад-
шему въ порочныя сѣти.

Михаилъ (*хватая его за грудь*). Я! я!
докажи мнѣ это сію жъ минуту, или я
заставлю тебя къ этому силою.

Воинъ (*съ равнодушіемъ*). Не думаешь
ли ты устрашить стараго воина, всег-
да пренебрегающаго смертію, своею
наглостію; за то, что онъ говоритъ
тебѣ правду въ глаза? — Изъ уваженія
только къ особѣ, близкой для твоего
сердца, я могу простить тебѣ это
оскорбленіе; и доволенъ буду тѣмъ
мщеніемъ, когда стыдъ покроетъ чело
твое, когда докажутъ тебѣ твой про-
ступокъ.

Михаилъ. Это однѣ хитрыя твои
увертки, чтобъ выиграть время и за-
манить меня въ убѣжище своихъ со-
общниковъ. Но знай, что я одинъ вт
состояніи нѣсколько подобныхъ тебѣ
сопроводить во мраки вѣчной ночи!...

Воинъ. Куда ты первый послѣдуешь, если отвергнешь совѣты человѣка, имѣющаго надъ тобою неограниченную власть. — Но я жалѣю, что теряю минуты съ человѣкомъ безразсуднымъ, легкомысленнымъ и дерзкимъ, который, за одолженія хочетъ лишить меня жизни. — Прощай! Иди путемъ къ несомнѣнной погибели, стыду и безчестію!... Это было первое и послѣднее мое съ тобою свиданіе въ этомъ мірѣ!.... (*хочетъ идти*).

Михаилъ (*пришедшій отъ запальчивости въ разсудокъ*). Остановись! прости неумѣстной моей горячности! — Я виноватъ предъ тобою, ибо легко можетъ статься, за добрые твои совѣты наградилъ тебя столь дурно; чему причиною служитъ сіе мѣсто, время и слова твои, показавшіяся подозрительными и насмѣшливыми. — Но, Бога ради! выведи меня скорѣй изъ этого очаровательнаго

лабиринта и дай мнѣ видѣть ту особу, которая имѣетъ во мнѣ власть?

Воинъ (*тронутый*). Вотъ, теперь я опять въ тебѣ вижу того Михаила, котораго добродѣтели и подвиги содѣлали, среди Новгородцевъ, почтеннымъ и всякой похвалы достойнымъ! Ну! теперь также прости и меня, если я тебя словами моими огорчилъ! — Время и случай докажутъ, какое я на это имѣлъ право. — Пойдемъ! — путь нашъ скоро уже окончится.

Михаилъ слѣдуетъ за своимъ провожатымъ, чрезъ извилистыя тропы лѣса.—Уже слышны были шумящія волны рѣки Волхова, когда они достигли одного высокаго кургана, обросшаго густымъ кустарникомъ, на коемъ стояли четыре высочайшихъ ели.

Непримѣтнымъ для Михаила образомъ, спустились подлѣ одной небольшой двери, которую, на троекратный

стукъ отворила женщина съ покрытою головою бѣлымъ флеромъ и они вошли въ небольшую подземельную комнату, освѣщенную теплившеюся предъ иконою Богоматери лампадою, въ которой кромѣ кровати съ тюфякомъ, столика и нѣсколькихъ скамѣекъ, ничего не было видно.

— Сядь и отдохни, добрый юноша— сказала незнакомка Михаилу, нѣжнымъ и привлекательнымъ голосомъ, проникшимъ въ его душу, восхищенную прелестями, усмотренными имъ сквозь прозрачное покрывало юной красавицы.

Провожатый, снявъ съ себя вооруженіе и легкій шлемъ, показался Михаилу среднихъ лѣтъ, съ пріятными чертами лица и мужественнымъ взоромъ, который съ усмѣшкою сказалъ незнакомкѣ: Софія! вотъ драгоцѣнный гость, котораго я обѣщался къ вамъ привесть. Дай-ка намъ что нибудь перекусить, а то мы право устали и проголодались.

Софія, открывъ въ полу маленькую опускную дверь, достала оттуда ивяную корзинку, изъ коей вынувъ фляжку, серебряный кубокъ и нѣсколько ломтей бѣлаго хлѣба, съ сыромъ и жареною бараниною, поставила все это на столъ, покрытый бѣлою скатертью, и просила Михаила откушать ихъ хлѣба-соли.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Михаилъ, если по обыкновенію Русскихъ, сами хозяева сдѣлаютъ ему въ этомъ компанію. — Почему жъ и не такъ — возразилъ воинъ, подвигая къ столу скамью, на которой онъ сидѣлъ; — да я думаю, не дурно бы и ты, Софія, сдѣлала, еслибъ съ нами вмѣстѣ что нибудь перекусила. — Да брось съ себя это негодное покрывало, — прибавилъ воинъ, снявъ съ Софіи оное, и Михаилъ остолбенѣлъ отъ удивленія, увидѣвъ въ сей юной

дѣвицѣ столько очаровательныхъ прелестей, которыя приковали его взоры и заставили Софію свои голубые глаза потупить въ землю, и съ пламенѣющими щеками прижаться къ груди отца своего.

— Оставь, милая дочь моя, столь прелестную застѣнчивость въ глазахъ этого добраго юноши, съ коимъ я хочу тебя покороче познакомить. — Вѣдь ты уже знаешь, кто онъ? — Знаю, отвѣчала робко Софія, и обратила на Михаила тихій взоръ, который невольно заставилъ его трепетать.

— Ахъ! если ты знаешь, милая дѣвушка, кто я, то Бога ради открой мнѣ эту тайну, которую я тщетно проникнуть нынѣ стараюсь?—Нѣтъ, не мнѣ надлежитъ тебя о семъ увѣдомить, добрый юноша; есть люди, которые болѣе и священнѣе имѣютъ на это открытіе права,—отвѣчала Софія, тихо

вздохнувъ. — Пожди мало и ты все узнаешь. — А теперь кушай во славу Божію, предлагаемое тебѣ отъ добрыхъ людей и не осуди, что не въ силахъ по достоинству угостить тебя.

Да вѣдь ты забыла, Софія, что для приданія позыва на пищу, надобно хоть по одному глоточку пропустить винца,— и Софія, въ минуту наполнивъ имъ кубокъ, поднесла своею прекрасною и трепетавшею рукою оный Михаилу, а потомъ и своему отцу; послѣ чего они перекусили.

— Я даже не припомню, когда бъ я съ столь хорошимъ апетитомъ употребилъ пищу, какъ здѣсь! — сказалъ Михаилъ.—Пышныя яства моего стола, приправленныя льстивыми похвалами людей, ищущихъ во мнѣ своихъ выгодъ, давно уже дѣлаются мнѣ непріятными, ибо я знаю, изъ какого источника они проистекаютъ.

Воинъ. Удивительно! — А нѣсколько минутъ тому назадъ, ты искалъ самой тѣсной и даже порочной связи, не только съ этими льстцами, но еще и хуже ихъ, съ всеобщими врагами!

Михаилъ (*съ удивленіемъ*). Я? — когда и съ кѣмъ?

Воинъ. Я тебѣ говорю: ты искалъ и нашелъ ихъ для вѣчнаго своего стыда и раскаянія!

Михаилъ (*въ недоумѣніи*). Здѣсь?

Воинъ. Нѣтъ, здѣсь убѣжище добродѣтели и несчастій; а тамъ пристанище злодѣевъ коварныхъ и губителей!

Михаилъ (*еще болѣе встревоженный*). Да гдѣжъ и кто они таковы?

Воинъ. Погоди немного. — Скоро явится человѣкъ, который откроетъ тебѣ глаза, снявъ съ нихъ темную завѣсу обольщенія и ясно покажетъ тебѣ величайшую твою погрѣшность.

Михаилъ (*съ нетерпѣливостію*). Да дождусь ли я этого человѣка и развязки сей ужасной тайны?

Воинъ. Скоро, очень скоро.

(*Слышенъ тихій стукъ въ двери*).

— Вѣрно это она возвратилась! — вскричала въ восхищеніи Софія и бросилась отворить двери.

Женщина, одѣтая въ черное платье и съ такою же покрышкою на головѣ, взошедъ въ землянку, сбрасываетъ съ себя покрывало и въ ужасномъ волненіи кидаясь на кровать, ломаетъ свои руки и обращая глаза на небо: О! Боже, Боже Милосердый! когда кончатся мои несчастія (*рыдаетъ и кажется никого вокругъ себя не замѣчаетъ*)!

Воинъ. Слѣдовательно ты его не видала? — Бѣдная Клавдина!

Клавдина. Ахъ! Стефаній! еще нѣсколько минутъ и онъ бы былъ спасенъ; но ядовитая змія, заманивъ его

въ свое убѣжище, безъ сомнѣнія ужаливъ его прямо въ сердце, излила сладостный и пагубный ядъ въ его душу!... Увы! мы его навсегда лишились!...

Стефаній. Бѣдняжка! вѣрно сіе злоключеніе помрачило твои взоры, когда ты не видишь, что у насъ есть сторонній человѣкъ.

Клавдина. Сторонній!... Кто? — зачѣмъ?

Стефаній. По тому же самому предмету и общему нашему желанію. — Этотъ человѣкъ очень близокъ къ его сердцу!

Клавдина. — И въ самомъ дѣлѣ? — Слава Богу! я очень рада! (*Озираетъ всѣхъ любопытнымъ взоромъ, останавливаетъ его неподвижно на Михаилѣ*): Отецъ Небесный! Кого я вижу?! — Это онъ!... (*хочетъ встать, но опять упадаетъ на кровать и лишается чувствъ*).

Михаилъ почувствовалъ струистый огонь, пробѣжавшій по всѣмъ его членамъ, отъ восклицаній Клавдины; онъ поспѣшно вскочилъ съ своего мѣста, чтобъ подать ей помощь, и непримѣтнымъ для него образомъ взялъ ее въ свои объятія, сѣлъ на ту кровать и положивъ Клавдію на свои колѣна, съ величайшимъ вниманіемъ и нѣкоторымъ восторгомъ смотрѣлъ на ея прекрасное лице, покрытое смертною блѣдностію.

Воинъ (*тихо Софіи*). Священныя права природы, безъ всякихъ изъясненій сильно подѣйствовали на душу и сердце сего добраго юноши.

Софія (*также тихо*). Кажется, онъ какъ будто узнаетъ въ ней знакомыя черты лица?

Воинъ. Сердце есть лучшій испытатель сокровеннѣйшихъ чувствъ, связанныхъ столь нѣжными и тѣсными узами.

Софія. Молчите! она приходитъ въ память, и первый, брошенный на него взоръ, первое слово изъ устъ ея, въ одно мгновеніе откроютъ ему всю тайну. — Посмотрите, какъ онъ трепещетъ всѣмъ тѣломъ, и не обращаетъ ни на что, кромѣ ея, своего вниманія.— Какъ мило и восхитительно смотрѣть на это нѣжное чувство сына къ матери, которую онъ отъ пеленъ своихъ не видалъ и не зналъ.

Клавдина, приходя мало по малу въ себя, наконецъ открываетъ прелестные глаза свои, устремляетъ ихъ быстро на Михаила, и обвивъ своими бѣлыми руками шею юноши, въ восторгѣ восклицаетъ: Михаилъ! сынъ мой возлюбленный! — И такъ я тебя вижу и прижимаю къ материнскому сердцу! Отецъ Небесный! Ты исполнилъ мѣру моихъ желаній!... услышалъ мои моленія, слезы и стенанія... и возвратилъ его въ мои объятія!... Благодарю Тебя,

мой Боже, за сіе неизрѣченное Твое милосердіе!...

Михаилъ (*въ величайшемъ недоумѣніи*). Я сынъ твой! Гдѣжъ ты была въ отсутствіи, во время моего младенчества и отрочества? Неужели я столь счастливъ, что чрезъ 18 лѣтъ обрѣтаю мать мою, къ которой, не знавъ еще, стремилась душа моя?...

Клавдина. Ты все это теперь же узнаешь, милый сынъ мой! но сперва дай мнѣ на тебя наглядѣться, и насладиться симъ благомъ, коего я лишена была съ дней твоего младенчества!... (Смотритъ внимательно въ глаза своего сына, разбираетъ темно-русые кудри на гордомъ челѣ его, и цѣлуетъ слезы его, катившіяся по его розовымъ ланитамъ, проливаемыя Михаиломъ отъ нѣжности и восхищенія).

— Если ты истинно мать моя, въ чемъ я не могу усумниться по соб-

ственнымъ чувствамъ моего сердца, — сказалъ Михаилъ Клавдинѣ, — то Бога ради, откройте мнѣ подробно, кто вы, мой родитель, гдѣ теперь онъ обрѣтается, и по какому случаю, я воспитанный Андреемъ Сильнымъ, какъ во время его жизни, такъ и по его смерти, васъ ни разу и нигдѣ не встрѣчалъ?

— Ты обо всемъ этомъ сію же минуту будешь мною извѣщенъ, — отвѣчала Клавдина, — какъ равно и о той жестокой твоей неосторожности и легкомысленности, которыя вовлекли тебя въ сѣти лукавыхъ враговъ и открыли уже первый шагъ къ пути преступленій и погибели, не только твоей собственной, но и цѣлаго нашего отечества, въ которыя ты повергся сладкимъ гласомъ и ядовитыми убѣжденіями хитрой славолюбивой жены, ищущей на прахѣ своего отечества соорудить для себя памятникъ величія, могущій ее одну

прославить въ потомствѣ. Слушай, что я буду говорить, и послѣ мнѣ съ откровенностію отвѣчай:

Амфилогій Новославскій сынъ бывшаго Новогородскаго Посадника, богатѣйшій и знаменитѣйшій изъ гражданъ сего города, благоразумный и мудрый въ совѣтахъ и храбрѣйшій изъ юношей, оставшись по смерти своихъ родителей единственнымъ наслѣдникомъ и полнымъ господиномъ своихъ желаній, занималъ важнѣйшую должность въ нашемъ отечествѣ, и готовился по всеобщему выбору гражданъ въ здѣшніе Посадники.—Непримиримая вражда предковъ Новославскаго и Борецкихъ, наслѣдовалась и ихъ потомками, старающимися унизить одинъ въ другомъ личныя достоинства, и мѣшать всюду исполненію ихъ намѣреній.

Марфа, хитрая, властолюбивая и прекрасная молодая вдова, по смерти

мужа своего овладѣвъ умами гражданъ, заняла высокую степень Посадницы Новогородской, и съ помощію сильной партіи своихъ друзей, властвовала невозбранно и устроивала, подъ предлогомъ благоденствія народа, коварные планы для порабощенія свободы Новогородской Польшѣ, чтобъ чрезъ сіе средство вступить въ брачное обязательство съ Королевичемъ Польскимъ, содѣлаться верховною главою и повелительницею Новогородской республики. — Для достиженія же сей высокой цѣли, изобразивъ народу миролюбныя предложенія Іоанна, Московскаго Князя, въ самомъ невыгодномъ видѣ, описала его нравъ жестокимъ, зависть для расхищенія ихъ богатства, месть для покоренія ихъ свободы, тѣмъ стереть славу Новогородцевъ съ лица земли и уваженія къ нимъ чужеземцевъ превратить въ презрѣніе, и тому подобное; чрезъ что совершенно

DAMAGED PAGE

успѣла съ своихъ коварныхъ замыслахъ.

Возмутившіеся словами Посадницы, Новогородцы громогласно восклицали: кто осмѣлится противъ Бога и Великаго Новгорода! Отказать Іоанну! Изгнать изъ стѣнъ нашихъ его посланника! Объявить ему войну, если онъ рѣшится нарушить спокойствіе нашего отечества!

Среди сихъ волнующихся гражданъ, помѣщенные Марѳою ея друзья и сообщники, старались воспламенить пламя пожара и ненависть къ Іоанну, въ сердцахъ Новогородцевъ, и прославлять мудрость и любовь къ отечеству ихъ Посадницы, восхищающейся успѣхомъ злостныхъ своихъ намѣреній.

Амфилогій съ немногими изъ гражданъ, истинно любящими славу и свободу своего отечества, старались

опровергать таковыя лжеумствованія ихъ Посадницы, и доказывать народу, что требованія Князя Іоанна весьма умѣренны, законны и ни малѣйше неотяготительны для Новгорода, что лучше ихъ удовлетворить, и содѣлать чрезъ таковую покорность Іоанна другомъ Новгорода, нежели непримиримымъ его врагомъ, и хотя многіе соглашались съ словами Амфилогія, но сильнѣйшая партія Марфиныхъ друзей опять обращала умы гражданъ въ ея пользу.

Въ это время, Амфилогій, по завѣщанію своихъ родителей, и собствен-
му влеченію нашихъ сердецъ, ибо я
ъ сирота воспитывалась въ ихъ
съ младенчества, вручилъ мнѣ
уку — и торжественное наше
таніе продолжалось въ теченіи
дней, при многочислен-
нитыхъ собраніяхъ Ново-
жданъ, любящихъ ис-

DAMAGED PAGE

кренно моего супруга, коего давно желали, не смотря на младыя лѣта его, избрать своимъ посадникомъ.

Мы наслаждались невозмущеннымъ спокойствіемъ и счастіемъ, которое, полагали, продлится и до конца дней нашихъ. — Но увы! сколь суетны временныя блага на землѣ человѣка, не помышляющаго о превратности судьбы своей, которая съ высокой степени величія и славы, повергнетъ его въ ужасную пропасть ничтожества, нищеты и злоключеній. — Мы испытали это на себѣ въ такое время, когда воображали что счастливѣе насъ нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ.

Въ то время, какъ Амфилогій, тиву его желаній, избранъ бы садникомъ Новогородскимъ, гой день долженъ былъ съ вступить въ это званіе ночь ужасный вопль

PAGE(S) MISSING

PAGE(S) MISSING

совершенно успѣлъ разсѣять мое отчаяніе. — Мы жили въ домѣ добраго Стефанія весьма спокойно и по возможности весело.

Новогородны, какъ и всѣ вообще люди цѣлаго міра, подверженные врожденнымъ слабостямъ, чтить богатство и славу, стали на моего мужа смотрѣть другими глазами, и утвердили въ прежнемъ званіи Марфу Борецкую, движущую по собственному своему произволу всѣмъ ей подвластнымъ, и совершенно располагая по своему желанію умами гражданъ, любящихъ месть, роскошь, пиршества, богатство и славу имени своего, которую не могли поддержать, ибо сдѣлались чрезъ пріобрѣтеніе сокровищъ слабыми женами, утопающими въ нѣгѣ и другихъ сладострастныхъ дѣяніяхъ.

Мы весьма радовались съ мужемъ моимъ, что онъ избавился сей должно-

сти, сопряженной съ величайшимъ трудомъ и безпокойствомъ.

Я была въ это время беременна тобою. — Часъ разрѣшенія моего наступилъ, и Амфилогій примѣтнымъ образомъ впалъ въ тоску, ясно обнаруживающуюся на всѣхъ чертахъ его лица. Нерѣдко стали вырываться слова изъ устъ его съ ропотомъ и горестнымъ воспоминаніемъ о протекшемъ богатствѣ и почестяхъ, коими онъ наслаждался, при всеобщемъ почтеніи Новогородцевъ, нынѣ не удостоивающихъ даже ни однимъ взглядомъ его, и сдѣлавшись чрезъ утрату всего своего имѣнія нищимъ и безпріютнымъ странникомъ въ своемъ отечествѣ; нынѣ не знаетъ куда преклонить главу свою, можетъ быть оцѣненную мздою золота отъ ненавистныхъ враговъ его, которые и въ самой его бѣдности, опасаются его силы, мудрости, краснорѣчія, и не

вовсе еще угасшей къ нему любви Новогородцевъ.

Когда жъ я ему напоминала о томъ равнодушномъ терпѣніи и мужествѣ къ перенесенію нашихъ злоключеній, коимъ онъ многократно меня училъ, то онъ, стараясь сквозь слезы улыбаться, сжималъ меня въ своихъ объятіяхъ, нѣжно цѣловалъ, и просилъ прощенія въ минутномъ своемъ заблужденіи.

Такимъ образомъ протекли еще двѣ недѣли нашего пребыванія въ домѣ Стефанія, готовившагося вступить въ бракъ съ прекрасною Павліею, дѣвицею знатнаго происхожденія, но весьма бѣдною сиротою, изображеніе которой можешь видѣть въ прелестной ихъ дочери Софіи.

Амфилогій въ теченіи этого времени, рано по утрамъ отлучающійся изъ

дома, возвращался при наступленіи вечеровъ, въ весьма измученномъ положеніи, и родилъ тѣмъ самыя горестныя размышленія во мнѣ на счетъ своего поведенія, коимъ онъ хотѣлъ поправить наше состояніе — Но благородство чувствъ души его оказалось совсѣмъ въ другомъ отношеніи, въ какомъ я его подозрѣвала.

Въ одинъ вечеръ оставшись со мною наединѣ, онъ мнѣ сказалъ слѣдующее: милая Клавдина! Богу угодно было лишить насъ всего имущества и славы, коими мы наслаждались при всеобщемъ уваженіи Новогородцевъ, но еще въ семъ заключеніи даровать терпѣніе и мужество къ перенесенію сихъ напастей. — Ты знаешь, что Стефаній самъ весьма недостаточнаго состоянія, и притомъ скоро долженъ вступить въ бракъ также съ бѣдною Павліею и потому, чтобъ не быть ему и никому

изъ гражданъ въ тягость, я рѣшился вовсе удалиться отъ сообщества людей и гдѣ нибудь въ скромномъ уединеніи со мною провождать дни жизни, и пріобрѣтая своими трудами содержаніе, не быть никому обязаннымъ своимъ пропитаніемъ и кровомъ. — Я надѣюсь, продолжалъ онъ, что чувства и желанія моей Клавдины, сообразныя съ моими, оправдаютъ сіе мое рѣшительное намѣреніе, и она, любя своего мужа, не отречется за нимъ слѣдовать въ то мѣсто, которое насъ навсегда должно разлучить съ сообществомъ неблагодарныхъ и нечувствительныхъ людей, исключая добраго Стефанія, но и тотъ не долженъ знать мѣста ихъ уединенія, ибо силы употребитъ удержать ихъ при себѣ. Скажи теперь мнѣ, милая моя Клавдина! согласна ли ты съ моимъ мнѣніемъ и намѣреніями?

Ты знаешь, милый супругъ, что

всѣ твои желанія и воля для меня священны! — можешь ли ты сомнѣваться въ сердцѣ, любви и повиновеніи твоей Клавдины, которая готова слѣдовать за тобою въ самый отдаленный край вселенной и раздѣлять съ тобою все — счастіе и злоключеніе, безъ малѣйшаго ропота и упрековъ?— отвѣчала я ему, и Амфилогій, съ восхищеніемъ прижавъ меня къ своей груди, изъявилъ мнѣ свою признательность за сіе согласіе. — Объявивъ, что мѣсто нашего убѣжища онъ уже устроилъ, которое теперь только нужно снабдить домашнимъ скарбомъ, который для нихъ, и пища гораздо полезнѣе чѣмъ пустыя драгоцѣнности, оставшіяся у насъ отъ великаго богатства, кои напоминаютъ только о сей горестной утратѣ.

Положивъ непремѣнное намѣреніе оставить чрезъ два дня домъ добраго

нашего друга Стефанія, я на утро вручила своему мужу драгоцѣнный склаважъ и зарукавья, для продажи, чтобъ на вырученныя за нихъ деньги купить все нужное для новаго нашего убѣжища, — и онъ къ вечеру возвратясь, сказалъ мнѣ, что съ помощію добраго Викула и его сына Іоанна, кои были ему сотрудниками для устройства нашего жилища, все искупилъ и перенесъ въ оное, — и теперь только остается намъ тайнымъ образомъ завтрашній вечеръ, удалясь изъ дома Стефанія, туда перебраться.

На другой день, въ часъ полуночи, когда всѣ покоились крѣпкимъ сномъ, мы собрались въ путь, и чтобъ оставить какой нибудь залогъ дружбы и признательности къ Стефанію, то я сняла съ руки своей драгоцѣнный перстень, положила его на столъ въ той

комнатѣ, гдѣ мы жили, а Амфилогій написалъ на пергаментовомъ листкѣ сіи краткія слова: «Въ знакъ дружбы и памяти, просимъ принять сію бездѣлку, для будущей супруги добраго Стефанія». — Скоропоспѣшно отправились въ дорогу.

Софія, со слезами на глазахъ слушая исторію Клавдины, цѣловала сей перстень, бывшій у ней на рукѣ — и показывая оный Михаилу, сказала: вотъ этотъ драгоцѣнный перстень, добрый юноша, я ношу его въ залогъ нѣжности двухъ матерей: меня произведшей на свѣтѣ, и Клавдины, заступившей ея мѣсто.

— Храни его, милая Софія, какъ драгоцѣннѣйшій даръ твоей матери и благодѣтельницы, взлелѣявшей юность дней твоихъ, и не менѣе меня тебя любящей, — прибавилъ Стефаній, отирая свои слезы. — Но мы тебѣ помѣ-

шали, любезная Клавдина, продолжать свою исторію. — Извини насъ въ этомъ — и говори; мы со вниманіемъ будемъ ее слушать, ибо ты до сего часа хранила ее въ тайнѣ.

— Сего требовали обстоятельства, чтобъ не растерзать столь горестнымъ воспоминаніемъ неисцѣлимую рану моего сердца, — возразила Клавдина. — Теперь часъ для открытія оной ударилъ тому, котораго судьба столь тѣсно соединена кровными узами съ злополучными его родителями, коихъ онъ съ нѣжныхъ дней своихъ лишенъ былъ счастія видѣть и наслаждаться ихъ любовью и попеченіями.

Такимъ образомъ идя поспѣшно, длинными улицами нашего города, — продолжала Клавдина, — мы чрезъ короткое время вышли темнымъ ходомъ изъ онаго, перешли поле, раздѣляющее стѣны города отъ лѣсу, и всту-

пивъ въ него разными излучистыми тропинками къ сему убѣжищу, въ которое вступивъ, сердце мое облилось кровью, взирая на скудную сію мебель и посуду, разставленную въ порядкѣ моимъ мужемъ, что я только могла замѣтить, при свѣтѣ принесеннаго нами фонаря.

Амфилогій досталъ подсвѣчники, засвѣтилъ двѣ большія восковыя свѣчи и лампаду предъ иконами Спасителя и Богоматери.

Священная тишина ночи и нашего мрачнаго уединенія, внушили въ меня высокія и благоговѣйныя чувства. — Я пала предъ сими иконами — и съ горестными слезами воскликнула: Великій Искупитель недостойныхъ и многогрѣшныхъ человѣковъ, попустившій себя на распятіе, и съ кроткимъ смиреніемъ испившій чашу лютой смерти! Укрѣпи и даруй мужество съ терпѣ-

ніемъ молящимся Тебѣ съ теплымъ увѣреніемъ на Твое милосердіе и спасеніе, ради молитвы Пречистыя Твоея матери, заступницы рода человѣческаго! — Пріими насъ подъ Свой покровъ и защиту, и благослови новое наше убѣжище, избавляяй насъ отъ стрѣлъ и мщенія враговъ, во мракѣ сего уединенія, да не коснется врагъ для нарушенія нашего спокойствія и согласія, — да несчастный плодъ благословеннаго Тобою союза, носимый подъ моимъ сердцемъ, будетъ благополучнѣе своихъ родителей!

Окончивъ сію молитву, я встала и почувствовала какое-то восхитительное спокойствіе, которое увеличилось новымъ чувствомъ благоговѣйнаго восторга, когда я увидѣла позади себя моего мужа, стоящаго также на колѣняхъ съ устремленными на иконы взорами и воздѣтыми вверхъ руками. —

Слезы лились изъ глазъ его ручьями и упадали крупными каплями на грудь его, высоко подымающуюся отъ тяжкихъ вздоховъ, которые онъ тщетно удержать старался. — Потомъ онъ всталъ, отеръ глаза свои, и съ кроткою улыбкою заключивъ меня въ свои объятія, — сказалъ: успокойся, милая Клавдина! Богъ все дѣлаетъ къ лучшему! — лишивъ насъ имѣнія и высокихъ почестей, искоренилъ нашу гордость и унизилъ самолюбіе столь Его величеству противныя. Онъ для испытанія нашей вѣры и терпѣнія, повергъ насъ въ сіе горестное положеніе и вмѣстѣ сладостное уединеніе, гдѣ дни потекутъ для насъ въ невозмущаемомъ счастіи и спокойствіи, — здѣсь мы съ тобою, нѣжный другъ мой, забытые всѣмъ свѣтомъ, будемъ въ потѣ лица своего пріобрѣтать пропитаніе подъ покровомъ неба, и если Богу угодно будетъ продлить жизнь

нашу, то удаленные совершенно отъ сообщества людей, предадимся Ему всѣмъ сердцемъ, съ теплымъ упованіемъ и вѣрою на Его милосердіе. — Я ни мало о себѣ не забочусь, отвѣчала я ему — и надѣюсь, что мы будемъ съ тобой въ семъ уединеніи совершенно счастливы; но что будетъ съ тѣмъ несчастнымъ младенцемъ, котораго я ношу у моего сердца? Какая его ожидаетъ участь? — Объ этомъ мы послѣ поговоримъ, отвѣчалъ мнѣ, въ грустномъ разсѣяніи, Амфилогій; а чтобъ теперь подобными горестными мыслями не возмутить нашего новоселья, то совершимъ съ тобою пиръ — и станемъ воображать, что мы волшебницею перенесены въ кристальныя палаты, гдѣ всѣ радости, наслажденія, забавы и смѣхи будутъ сопровождать насъ.

Говоря симъ шутливымъ тономъ онъ накрылъ на столъ, поставилъ холод-

ныхъ яствъ и склянку лучшаго вина, потомъ сѣвъ и, посадя меня подлѣ себя, выпилъ кубокъ вина и упросилъ меня также пропустить нѣсколько капель онаго, увѣряя, что оно произведетъ чудное дѣйствіе надъ моимъ воображеніемъ, и прогонитъ совершенно печаль мою. — Я исполнила его желаніе, и къ удивленію своему замѣтила, что вино на самомъ дѣлѣ прогнало мрачныя мысли изъ головы моей и сдѣлало меня веселою.

Послѣ ужина, поговоривъ еще довольно долгое время между собою и условясь, какимъ образомъ и порядкомъ начать намъ свое уединеніе и труды, мы легли на свое бѣдное ложе, и въ очаровательныхъ мечтахъ сновидѣнія, ночь промчалась быстро на черныхъ своихъ крыльяхъ, и мы проснулись, когда уже солнышко высоко вошло на горизонтѣ, и лучами своими про-

никло въ большое отверстіе, сдѣланное вверху нашего жилища.

По прошествіи двухъ недѣль отъ нашего сюда переселенія, ты родился, и радость наша вмѣстѣ съ безпокойствомъ удвоилась о будущемъ твоемъ воспитаніи, котораго мы тебѣ дать, въ столь плачевномъ нашемъ положеніи, не могли. — Катерина, жена добраго Викула, которые часто насъ посѣщали и облегчали наши домашніе труды и заботы, окрестила тебя подъ симъ именемъ въ сельской церкви, и много способствовала моему облегченію.

Ты былъ уже шести недѣль отъ рожденія, когда отецъ твой открылъ мнѣ сокровенныя свои желанія, ввѣрить твое младенчество и воспитаніе знаменитому, богатѣйшему и самому добродѣтельному изъ гражданъ Новогородскихъ, Андрею Сильному, который, будучи [illegible]е въ преклонныхъ лѣтахъ, не

имѣлъ у себя дѣтей и желалъ взять какого-нибудь сироту для усыновленія.

Съ ужасомъ услышавъ столь горестный для тебя приговоръ изъ устъ Амфилогія, я устремила на него неподвижный и отчаянный взоръ. — Жестокій, безчеловѣчный отецъ и супругъ! воскликнула я, проливая слезы. Какъ ты могъ положить въ мысляхъ твоихъ столь пагубное и звѣрское намѣреніе, ввѣрить единственный и нѣжный союза нашего плодъ чуждому попеченію? — Можетъ ли это когда нибудь статься, чтобъ я разсталась съ симъ прелестнымъ и невиннымъ малюткою, обреченнымъ твоею жестокостію на вѣчную со мною разлуку? Нѣтъ, если тебѣ нужна жертва для пресыщенія твоей лютости, то вотъ она! рази ее!... напитайся ея кровію и мучительной смертію, и тогда ты только можешь разлучить меня съ моимъ сыномъ! Я крѣпко прижала тебя къ моему сердцу и не сво-

дила глазъ своихъ съ Амфилогія, который, устрашенный моимъ отчаяніемъ, устремилъ также на меня неподвижно свои взоры — и хранилъ грустное молчаніе.

— Клавдина! безразсудное твое отчаяніе приводитъ меня въ трепетъ и ясно обнаруживаетъ, что ты, таковымъ отриновеніемъ моего благоразумнаго намѣренія, ищешь устроить, не только нашего сына, но и собственную нашу погибель! — Не ужели ты думаешь, что мнѣ сія разлука съ единственнымъ нашимъ младенцемъ, менѣе болѣзненна моему сердцу, чѣмъ твоему? — Но знаешь ли ты, что таковымъ твоимъ несогласіемъ ты приближаешь его къ неминуемой и вѣчной утратѣ? — Прійди въ себя и выслушай меня со всѣмъ вниманіемъ и тогда скажи, правъ ли или виноватъ, изыскивая случая сохранить невредимымъ нѣжный залогъ нашего союза?

— Нѣсколько дней тому назадъ, — продолжалъ Амфилогій, — когда я ходилъ въ городъ для продажи нашего рукодѣлья и покупки провизіи, возвращаясь къ своему жилищу симъ лѣсомъ, вдругъ былъ, при переносѣ въ перелѣсокъ, остановленъ кѣмъ-то сзади. — Оглянувшись назадъ, я узналъ друга нашего Стефанія, который со слезами на глазахъ, сказалъ мнѣ слѣдующее: нечуствительный и жестокій другъ! Не довольно того, что ты, пренебрегши священными узами дружбы, тайно скрылся изъ моего дома, но еще и теперь скрываешь отъ меня твое горестное убѣжище, полагая свое удаленіе изъ города и моего дома безопаснымъ для себя и твоего семейства, и совсѣмъ не помышляешь о своей погибели!

Устрашенный словами Стефанія, я нѣсколько минутъ сохранялъ молчаніе, и потомъ извинясь въ своемъ поступ-

кѣ предъ симъ единственнымъ другомъ, я просилъ его объяснить мнѣ, что такое значатъ эти слова его? — А вотъ что, сказалъ онъ мнѣ съ примѣтнымъ состраданіемъ, что твое изъ дома моего удаленіе ускоряетъ твое и семейства твоего злоключеніе и неминуемую погибель, а коли ты оныхъ избѣгнешь, то твое дитя, котораго ты уже безъ сомнѣнія теперь имѣешь, принесено будетъ въ жертву ненасытной злобѣ враговъ твоихъ, что я провѣдалъ чрезъ преданныхъ мнѣ пріятелей, проведшихъ меня въ тайное засѣданіе Мареы и ея друзей, сдѣлавшихъ приговоръ смертный для тебя и твоего семейства; а чтобъ доказать тебѣ истину словъ моихъ, которымъ ты если не вѣришь, то я представлю тебѣ достовѣрныхъ свидѣтелей. — И потому совѣтую тебѣ, не позже какъ завтрашнюю ночь перебраться ко мнѣ въ домъ, и лучше всего сына твоего или дочь, коли они у

тебя родились, ввѣрить въ надежныя руки, въ особенности извѣстному тебѣ добродѣтельному гражданину Андрею Сильному, который, при неизчетномъ своемъ богатствѣ, не имѣвъ дѣтей, ищетъ усыновить какого-нибудь сироту, и коли ты желаешь дитя свое видѣть счасливымъ и спасти его отъ неминуемой погибели, то я берусь его вручить тайно въ руки Андрея, который одинъ въ силахъ доставить ему хорошее воспитаніе и содѣлать полезнымъ для васъ и для отечества, коему безъ сомнѣнія предоставитъ по смерти своей и все свое великое богатство и почести.

Не имѣя малѣйшаго сомнѣнія въ словахъ нашего вѣрнаго друга, продолжалъ мой мужъ, съ ужаснымъ прискорбіемъ рѣшился предложить тебѣ о разлукѣ съ нашимъ сыномъ; но увы! сколько я ошибся въ твоемъ мужествѣ, когда увидѣлъ твое жестокое

отчаяніе, разстерзавшее мое, и такъ уже убитое горестію, сердце. — Теперь коли, можешь, дѣлай мнѣ свое возраженіе и упрекай еще меня въ жестокости? — Но напередъ размысли, что хотя бы враги наши и пощадили жизнь нашу и нашего младенца, то какое мы, въ крайней нашей бѣдности, можемъ доставить ему счастіе и воспитаніе, въ мрачномъ уединеніи этого лѣса? словомъ — никакого, кромѣ вида и нрава дикаря, безполезнаго и намъ и отечеству, хотя и неблагодарному, но все еще имѣющему право на пріобрѣтеніе новаго гражданина.

Противъ такихъ ужасныхъ истинъ моего мужа, я не находила уже болѣе никакихъ возраженій и принуждена была съ желаніемъ и мнѣніемъ его согласиться. — Мы оплакали кровными слезами тебя, покоющагося сладкимъ сномъ у моей груди, — и рѣшились, въ будущую ночь же, перебраться для

своей безопасности въ домъ нашего друга Стефанія, который обѣщался за нами придти.

На другой день, клонящійся уже къ вечеру, Амфилогій пошелъ въ городъ для покупки нужныхъ вещей а я оставалась здѣсь съ тобою, и, орошая тебя моими слезами, чувствовала какую-то ужасную тоску въ моемъ сердцѣ, которое во мнѣ замирало и обливалось какъ будто льдомъ

Вечеръ наступилъ и потомъ самая мрачная ночь, но отецъ твой не возвращался — и горесть моя съ отчаяніемъ удвоилась. — Ты каждую минуту вздрагивалъ, просыпался и испускалъ болѣзненные и жалобные вопли, какъ бы предчувствуя постигшее насъ злополучіе. — Когда же засыпалъ, то я выходила изъ сего нашего убѣжища, смотрѣла въ ту сторону, откуда всегда возвращался Амфилогій, но ничего не видя и не слыша, опять сюда входила

и сидя надъ тобою, орошала тебя слезами, или молилась Богу о ниспосланіи намъ Своего милосердія съ возвращеніемъ твоего отца.

Въ послѣдній разъ, когда я вышла посмотрѣть Амфилогія, и чтобъ лучше внять его походку, ибо ужасный мракъ ночи не дозволялъ даже по близости различать предметовъ, припала я ухомъ къ землѣ, и чрезъ нѣсколько минутъ, послышался мнѣ подземный глухой гулъ, потомъ бряцаніе, какъ будто оковъ и наконецъ протяжное стенаніе человѣка. — Я съ трепетомъ вскочила съ земли и въ туже самую минуту, троекратно ударившій громъ съ извивающеюся молніею, и вскорѣ за симъ раздирающій вопль, промчавшійся по лѣсу сему, съ ужаснымъ шумомъ и трескомъ деревъ, заставилъ меня въ смертельномъ страхѣ возвратиться сюда и схвативъ тебя въ свои

объятія, крѣпко прижать къ своей груди.

Когда первыя впечатлѣнія ужаса во мнѣ поутихли, то я, упавъ съ тобою на колѣна предъ образомъ Богоматери, произнесла сію краткую молитву: Заступница и прибѣжище всѣхъ несчастныхъ! Мати Господа Вышняго! Къ Тебѣ взываю съ теплою вѣрою и слезами.... Внемли моленію несчастной матери съ симъ невиннымъ птенцомъ, сохрани насъ подъ Твоимъ покровомъ и возврати въ наши объятія здрава и невредима отца и супруга, избавляй его отъ погибели и пропасти, изрытой нашими врагами!... Да будетъ вѣчно нами святиться имя Твое, милосердая заступница рода человѣческаго!

По совершеніи сей молитвы, я почувствовала облегченіе тоски моей, и ты крѣпко заснулъ на рукахъ моихъ; но чрезъ минуту опять проснулся съ трепетнымъ воплемъ и не сводилъ

глазъ своихъ съ меня, въ коихъ ясно изображался твой страхъ. Бѣдный, злополучный малютка! Что предзнаменуютъ твои плачевные вопли и страхъ, раздирающіе мое сердце? Или даешь мнѣ оными знать, что нашъ драгоцѣнный отецъ и супругъ погибъ отъ рукъ злодѣевъ?... Увы! Что тогда съ нами будетъ? Куда мы приклонимъ съ тобою горькія главы наши, безъ его защиты и покрова? — Варвары придутъ сюда исхитить тебя отъ моей груди и растерзать плоть твою предъ глазами твоей злополучной матери!... О! Боже! Боже Великій и милосердый! не дай мнѣ пережить утраты того и другаго, или сію же минуту сократи дни мои!...

При окончаніи сихъ жалобъ моихъ, вдругъ дверь съ шумомъ растворилась — и Стефаній, блѣдный какъ смерть и трепещущій всѣми членами, представился моему устрашенному взору.

Клавдина! — Гдѣ Амфилогій? спро-

силъ онъ меня удушающимъ голосомъ? — Увы! онъ съ самыхъ вечеренъ дня сего и по сіе время еще не возвращался изъ города, отвѣчала я рыдая. — Всемогущій Творецъ! воскликнулъ Стефаній, бросился въ отчаяніи на скамью и ломая себѣ руки. — И такъ мщеніе враговъ его совершилось! несчастный и легкомысленный другъ! ты думалъ въ семъ мрачномъ уединеніи быть безопасенъ!... и самъ ускорилъ свою и семейства своего погибель!... Варвары! вы вѣрно лишили его свободы, или драгоцѣнной жизни!... но трепещите! Есть Богъ, каратель злочестивыхъ и помощникъ добродѣтельныхъ! Онъ не оставитъ васъ безъ наказанія, а угнетенной невинности безъ награды!... Бѣдный, несчастный другъ! гдѣ ты теперь обрѣтаешься? существуешь ли въ средѣ живыхъ, или ликуешь на небесахъ въ ликѣ мучениковъ и праведныхъ, съ жестокими яз-

авми на богатырской твоей груди, вмѣщающей самое лучшее сердце?

Оглушенная плачевными жалобами Стефанія, я устремила на него неподвижный и ужасный взоръ — и хранила нѣсколько минутъ мертвое молчаніе, потомъ съ отчаяніемъ схвативъ тебя въ мои объятія, воскликнула: и такъ болѣе нѣтъ сомнѣнія, что онъ погибъ!... Нѣжный, драгоцѣнный супругъ и отецъ!... Амфилогій! Приди принять послѣдній вздохъ злополучной твоей Клавдины.... сего невиннаго малютки, нашего сына, коего я лучше задушу въ моихъ объятіяхъ, чѣмъ видѣть мучительную его смерть отъ руки гнусныхъ и кровожадныхъ убійцъ!...

Произнося такія стенанія, я повергласъ съ пронзительнымъ воплемъ на сію постель и крѣпко сжала тебя въ своихъ объятіяхъ; ты закричалъ благимъ матомъ, и Стефаній бросился избавить тебя изъ рукъ моихъ, съ горь-

кимъ упрекомъ о моей лютости, могущей сдѣлать тебя уродомъ, или лишить жизни.

Если Амфилогій до разсвѣта не возвратится сюда, сказалъ мнѣ наконецъ Стефаній, то онъ попался въ руки лютыхъ враговъ, и коли не лишенъ жизни, то вѣрно заключенъ въ тягостныя оковы и какую-нибудь ужасную темницу, изъ коей только однимъ милосердіемъ Всевышняго можетъ избавиться,— то ты съ своимъ младенцемъ, Клавдина, безъ малѣйшаго медленія должна слѣдовать въ домъ мой, гдѣ въ объятіяхъ доброй Павліи, облегчатся твои страданія; какъ я между тѣмъ стану стараться развѣдывать объ участи несчастнаго моего друга, который коли еще обрѣтается въ живыхъ, то я подвигну для свободы его весь Новгородъ — спасу его.

Ночь уже была на исходѣ. Амфилогій не возвращался и Стефаній, тре-

петавъ за меня съ тобою, уговорилъ меня слѣдовать за собою въ его домъ. — Тамъ, ожидавшая уже насъ Павлія, приняла меня съ распростертыми объятіями и не видавъ Амфилогія, объ немъ спросила. Отъ вопроса сего разлившійся хладъ смерти во всѣхъ моихъ жилахъ, едва не повергъ меня въ безпамятство; и Стефаній, сдѣлавъ строгій выговоръ неосторожной своей и совершенно невинной супругѣ, подхватилъ меня, готовую уже упасть, и посадилъ на стулъ приказавъ Павліи, какъ можно скорѣе, приготовить для меня горячаго напитка и постель.

Между тѣмъ, стараясь облегчить мои страданія, онъ и супруга его, исполнившая уже его приказанія, всѣ употребили силы, слова, просьбы и слезы, меня успокоить счастливою будущностію и возвращеніемъ Амфилогія. — Но вотъ уже 18-й годъ, какъ мы питаемся химерами этого блаженства, и

несчастный твой отецъ, какъ камень брошенный въ рѣку, исчезъ съ глазъ нашихъ, и мы даже никогда не слыхали о немъ слова, которое бы могло польстить нашему счастію обрѣсти его.

— Ну, такъ я одинъ подниму эту мрачную и непроницаемую завѣсу тайны, — вскричалъ Михаилъ вставъ стремительно съ своего мѣста. — Завтраже, предъ лицемъ всѣхъ гражданъ Новогородскихъ, я потребую отчета въ поведеніи коварной посадницы и ея подлыхъ друзей, и не взирая на утонченность ихъ увертокъ, подвергну ихъ всей строгости законовъ; сорву съ лица ихъ маски лицемѣрія и злобы, для пагубы нашего отечества, и въ противномъ случаѣ, съ мечомъ въ рукахъ, потребую должнаго мнѣ удовлетворенія и правосудія, и клянусь совершенно искоренить сихъ злочестивыхъ враговъ Новгорода и моего семейства!...

— Какъ ушей своихъ тебѣ не ви-

дать, такъ не исполнить тебѣ сихъ клятвъ своихъ!... вскричалъ за дверьми басистый и хриплый голосъ, и дверь съ ужаснымъ шумомъ расхлопнувшись, представила взорамъ удивленныхъ нашихъ друзей, четырехъ человѣкъ съ ногъ до головы вооруженныхъ, кои, кинувшись на Михаила съ обнаженными мечами, вскричали: коли! руби измѣнника и всѣхъ сихъ ненавистныхъ тварей! — И мечи встрѣтясь отбросили съ трескомъ сіяющія искры. — Столъ, въ сумятицѣ сражающихся, былъ опрокинуть, свѣчи на немъ стоявшія, упавъ на землю, потухли, и при всеобщемъ смятеніи и вопляхъ женщинъ, стенанія умирающихъ усугубили ужасъ этой гибельной ночи.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

МИХАИЛЪ НОВОГОРОДСКІЙ,

ИЛИ

НАРУШЕННАЯ КЛЯТВА.

РОССІЙСКО-ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ 3-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. Зряхова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

МОСКВА.

Типографія Т. Рисъ, у Яузской части, д. Медынцевой.

1874.

Дозволено цензурой. Москва, 31-го января 1874 г.

— Пусти меня!.. ради Бога! оставь, или мы всѣ погибнемъ!... — кричалъ громко, кому-то Михаилъ, отражая мечемъ своимъ устремленные на него въ потьмахъ удары. Софія! достань скорѣе огня а то злодѣевъ съ другомъ различить нельзя, — произнесъ шибко Стефаній, и сія юная, мужественная дѣвица, не потерявъ въ столь ужасномъ положеніи присутствія своего духа, — къ счастію нашихъ друзей, напала на трудницу съ сѣрницами. — Софія крѣпко бьетъ кремнемъ о сталь, искры какъ изъ головни сыплются и освѣщаютъ сражающихся, и въ минуту запылалъ пламенникъ въ рукахъ ея. — Но сколько она ужаснулась, когда увидѣла Клав-

дину почти безъ чувствъ висѣвшую на шеѣ своего сына.

Священная природа! — Чувства матери и во мракѣ узнали драгоцѣннаго ей сына, коего она хотѣла закрыть своимъ тѣломъ. Софія! Бога ради! отвлеки ее отъ меня, — сказалъ Михаилъ, отпарируя ударъ ужаснаго своего противника, который былъ необычайнаго роста и силы, не менѣе искусенъ въ бояхъ, чѣмъ юный нашъ герой, при свѣтѣ огня, освобожденный изъ объятій своей матери.

— Вотъ теперь-то вы почувствуйте, злодѣи, съ кѣмъ имѣете дѣло! — вскричалъ Михаилъ, — и съ симъ словомъ обрушилъ страшный свой мечъ на главу исполина, разрубилъ всѣ закрѣпы его шлема, и нанесъ жестокій ударъ, отъ коего злодѣй, оглушенный, упалъ на землю, облитый своею кровію; но созидая въ эхидной душѣ своей адское еще злоумышленіе, когда Михаихъ об-

ратилъ мечъ свой на двухъ враговъ, стѣснявшихъ Стефанія, выхватилъ изъ-за пояса своего обоюду изостренный ножъ, бросилъ съ послѣднимъ усиліемъ имъ въ нашего героя. — Пагубное сіе оружіе, съ шумомъ разсѣкая воздухъ, миновавъ Михаила, ударилось въ грудь несчастной Клавдины, стоявшей подлѣ своего сына, и злополучная мать сія, обагренная своею кровію, съ глухимъ стенаніемъ произнеся — я умираю!... упала на руки ужаснувшейся Софіи.

— Чудовище! — вскричалъ съ отчаяніемъ Михаилъ врагу, поразившему матѣ его, и ударомъ своего меча отсѣкъ ему ту убійственную руку, которая нанесла ударъ Клавдинѣ.

Три товарища сего злодѣя пали мертвые отъ мечей Михаила и Стефанія, но сей, еще не лишясь вовсе исполинскихъ силъ своихъ, пресмыкаясь въ собственной крови своей, обращалъ

еще ужасно звѣрскими своими взорами, и изрыгалъ проклятія на друзей нащихъ.

Михаилъ, не предусматривая новой опасности отъ врага своего, имъ обезоруженнаго и не могущаго уже дѣйствовать ни чѣмъ, кромѣ зловреднаго языка, взялъ на свои колѣни несчастную Клавдину, цѣловалъ ее нѣжно въ хладныя уста и въ рану, изъ коей струилась алая кровь. — О! милая, драгоцѣнная мать моя! — восклицалъ онъ, въ отчаяніи проливая слезы, — твоя ко мнѣ нѣжность и любовь повергли тебя въ столь бѣдственное положеніе — и можетъ быть.... Увы! сократятъ твою жизнь!... Стою ли я этой капли твоей драгоцѣнной крови, пролитой для моего спасенія?... Минута радостнаго свиданія превратилась въ вѣчную мою съ тобой разлуку!... Ахъ! легче бъ для меня было, еслибъ я и по сіе время не зналъ

тайны моего рожденія, открытіе коей стоило тебѣ жизни!... Проснись, драгоцѣнная, на гласъ скорбный оставленнаго тебѣ сына!... сына, содѣлавшагося орудіемъ твоей преждевременной смерти.... Но ты не внемлешь уже болѣе плачевнымъ моимъ жалобамъ и стонамъ.... Ты уже предстоишь теперь Судіею Вселенной, съ мученическимъ вѣнцемъ, украшающимъ чело твое.... О! Боже, Боже мой! Для чего ты далъ мнѣ ее увидѣть?... Узнать ея небесныя добродѣтели.... ея нѣжность и любовь ко мнѣ?... И послѣ сего на вѣки лишилъ меня ее.... и заставилъ, возненавидя жизнь мою, оплакивать ея столь горестную для меня кончину?...

— Михаилъ, приди въ себя! — сказалъ ему Стефаній, самъ рыдая. — Твои вопли и стенанія не могутъ облегчить ея страданій! — Мать твоя еще жива, и ей нужно подать немедленно возможную помощь: — успокойся. Станемъ

дѣйствовать, а не въ пустыхъ жалобахъ тратить драгоцѣнныя минуты для ея спасенія. Но Михаилъ, не внимая словамъ его, продолжалъ свои стенанія.— Любезный юноша! — сказала ему Софія, приближась и положивъ свою бѣлѣйшую снѣга руку на его плечо, прерви твои слезы и стенанія, которыя болѣе ни къ чему не служатъ, кромѣ какъ къ ускоренію смерти твоей нѣжной матери, находящейся только въ сильномъ обморокѣ, и послушайся меня и моего отца, чтобъ подать ей скорѣе помощь, пока она еще не изошла своею кровію, чтобъ послѣ вѣчное раскаяніе объ ея утратѣ, не отравило желчію горести и отчаянія твоей драгоцѣнной жизни!

Трогательный голосъ и слезами наполненные глаза Софіи, устремленные съ нѣжнымъ участіемъ на Михаила, болѣе подѣйствовали на его душу и сердце, чѣмъ слова ея отца. — Онъ

положилъ мать свою на ложе ея, осмотрѣлъ глубокую ея рану близъ лѣвой груди, прошедшую подъ мышку лѣвой руки, которая не могла быть смертельна, что исполнило его величайшею радостію. — Онъ обмылъ эту рану виномъ съ уксусомъ, приложилъ корпію, и весьма искусно перевязалъ, чему онъ научился у знакомаго ему врача Леона, который пользовалъ его воспитателей, и дѣлалъ такія операціи при немъ нѣсколькимъ раненымъ воинамъ.

По прошествіи не малаго времени Клавдина очувствовалась — и первое слово вырвалось изъ устъ ея съ болѣзненнымъ стономъ: Михаилъ! сынъ возлюбленный! гдѣ ты? неужели враги тебя погубили? — Я живъ, моя драгоцѣнная! ты спасла дни мои своею кровію, которой я капли не стою.... — отвѣчалъ ей Михаилъ. — Слава Богу! — воскликнула Клавдина, крестясь въ восторгѣ чувствъ своихъ. Онъ живъ, слѣ-

довательно, убійцы наши побѣждены.... Благодарю тебя, Господи! — Десницею Его только мы могли избѣгнуть готовимой намъ участи этими чудовищами и храбростію твоего сына, поправшаго сихъ злодѣевъ, — сказала Софія. — Ты бы запѣла другимъ голосомъ, еслибъ попалась прежде въ ихъ руки, — возразилъ тотъ же злодѣй, который ранилъ Клавдину, — и я очень жалѣю, что рука моя ошиблась, нанеся слабый ударъ матери клятвопреступника, который однакожъ, да и всѣ вы, не избѣгнете назначенной вамъ смерти! — Не я, такъ мои товарищи принесутъ васъ въ жертву мщенія тѣхъ, кои имѣютъ нужду въ вашей погибели. — Чудовище! ты испыталъ уже силу руки моей, — возразилъ Михаилъ, которая еще можетъ подобныхъ тебѣ злодѣевъ низвергнуть въ преисподнюю ада! — Покайся лучше въ грѣхахъ твоихъ предъ Богомъ и загладь свои преступленія открытіемъ

мнѣ тѣхъ враговъ, кои подкупили васъ лишить насъ жизни. — Я лучше стократно вытерплю всѣ мученія, но никогда языкъ мой не нарушитъ той ужасной клятвы, которую ты измѣнилъ, — и за что ожидаетъ тебя неминуемая смерть! — отвѣчалъ сей извергъ. — Однакожъ достойное такого злодѣя истязаніе, заставитъ развязать тебя узы твоего языка, — и ты долженъ будешь все открыть предъ судилищемъ гражданъ, — сказалъ Стефаній. — Никогда, никогда не принудятъ меня къ сему самыя жесточайшія мученія и пытки, — возразилъ этотъ извергъ, — я пренебрегаю всѣмъ, что есть только въ этомъ свѣтѣ, и готовъ снизойти въ сіе же мгновеніе въ предѣлы вѣчной ночи, въ отверстыя челюсти геенны, гдѣ среди плача и стенаній подобныхъ мнѣ, буду только жалѣть о томъ, что не успѣлъ въ крови вашей омыть мои руки и насладиться

вашими мученіями подъ ударами моего меча. — Чудовище! — вскричалъ съ гнѣвомъ Михаилъ — и вознесъ уже свой мечъ, чтобъ поразить этого злодѣя, но Стефаній удержавъ его руку, — сказалъ: стыдись, милый Михаилъ, исполнить мщеніе, хотя и весьма справедливое надъ этимъ негодяемъ; жизнь его еще намъ нужна для обличенія твоихъ враговъ: поспѣшимъ лучше скорѣе отсюда удалиться, чтобъ не имѣть предъ своими взорами сего ужаснаго позорища. — Пусть этотъ злодѣй останется здѣсь съ трупами его подлымъ сообщниковъ, до завтрашняго дня, — и познаетъ всю лютость ожидающей его смерти. — Меня ни что ужасать не можетъ, кромѣ того, если вы избѣгнете счастливо опредѣленной вамъ участи и погибели, — возразилъ гигантъ, вращаясь въ черной крови своей, ліющейся ручьями изъ ранъ его. — Однакожъ не взирая на лютость этого чудовища, на-

добно перевязать его раны, а то онъ изойдетъ до утра кровію, — сказалъ Михаилъ. — Эта твоя услуга во стократъ для меня мучительнѣе, чѣмъ самая ужасная смерть, — вскричалъ сей злодѣй. — Удалитесь скорѣе съ глазъ моихъ, какъ ненавистные мнѣ враги, и тогда я гораздо буду спокойнѣе. — Но не думайте долго торжествовать эту надо мною побѣду, — прибавилъ онъ, звѣрски улыбаясь. — Многіе изостренные мечи, упитанные ядомъ, достигнутъ до сердецъ вашихъ, заставятъ васъ, въ самыхъ мучительныхъ страданіяхъ, скончать жизнь вашу; не я, такъ мои товарищи сдѣлаютъ вамъ эту важную услугу, коихъ прозорливости вы не избѣгнете, ибо каждый шагъ вашъ разочтенъ ими и вы всюду встрѣтите готовимую вамъ смерть! — О! еслибъ я, при послѣднихъ хотя минутахъ моей жизни, услышалъ вѣсть о вашей погибели, тогда бы съ во-

сторгомъ снисшелъ въ мрачную юдоль смерти.

— Боже Милосердый! — вскричалъ Михаилъ: — я еще въ жизнь мою не разу не встрѣчалъ подобнаго чудовища, какъ этотъ злодѣй! — Удалимтесь отсюда скорѣе, или я не въ силахъ буду уже болѣе выдержать словъ этого злодѣя.

— Пойдемте, пойдемте скорѣе изъ этого ужаснаго жилища, зараженнаго ядовитымъ дыханіемъ сихъ изверговъ, — сказала Клавдина, вставая съ своего ложа и собирая всѣ свои силы слѣдовать за своимъ сыномъ и друзьями. — Но можешь ли ты, дражайшая, выдержать путь сей? — спросилъ у нея Михаилъ. — Съ твоею помощію надѣюсь достигнуть до дома нашего друга Стефанія, — отвѣчала Клавдина. — Нѣтъ, мой гораздо ближе и безопаснѣе, — возразилъ Михаилъ. — У меня есть много храбрыхъ служителей, гото-

вых за меня пожертвовать своею жизнію — и мужественный оруженосецъ Филадельфъ, который одинъ въ состояніи десятка два прибрать подобныхъ этому злодѣю убійцъ! — Ну такъ нечего же болѣе и медлить здѣсь, — сказала Клавдина, взявъ своего сына и Софію, — пойдемте!

Взявъ съ собою иконы, и только нужное вооруженіе, они, затушивъ огонь въ подземельномъ жилищѣ, вышли изъ онаго, и заперши двери, поспѣшно оттуда удалились.

Пробираясь сквозь излучистыя тропины лѣса, Михаилъ замѣтивъ изнеможеніе своей матери, взялъ ее на свои руки, какъ драгоцѣнное бремя, и обладая чрезвычайною силою, не чувствовалъ никакой тягости, несъ ее долгое время лѣсомъ.

При поворотѣ къ торной дорогѣ, проложенной чрезъ лѣсъ къ городу, Стефаній первый замѣтилъ между деревъ

мелькающія черныя тѣни, въ нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи. — Михаилъ! видишь ли ты эту стаю черныхъ врановъ, ожидающихъ своей добычи? — спросилъ онъ у юнаго своего друга,— и показалъ туда рукою. — Вижу, — отвѣчалъ Михаилъ, остановясь и спуская съ рукъ свою мать, — и обнажая свой ужасный мечъ. — Боже Великій и Милосердый! — вскричала Клавдина, — опять новое бѣдствіе осѣняетъ насъ несчастныхъ!.... Успокойся, моя драгоцѣнная, — сказалъ ей Михаилъ. — Эти, безъ сомнѣнія, хищныя птицы, вылетѣли изъ гнѣздъ своихъ для снисканія обильной себѣ пищи, но онѣ дорого мнѣ заплатятъ, если осмѣлятся сдѣлать на насъ нападеніе. — Подъ защитою моею тебѣ нечего бояться.

Клавдина съ трепетомъ прижалась къ груди своего сына, а Софія къ своему отцу, ожидая каждую минуту общей ихъ погибели.

Видѣнные ими примѣтно соединились въ одно мѣсто, и казалось, ожидали приближенія нашихъ друзей, чтобъ сдѣлать на нихъ нападеніе.

— Они не идутъ къ намъ — и мнѣ очень кажется скучнымъ такое ихъ бездѣйствіе, — сказалъ Михаилъ, — и я хочу посмотрѣть ихъ поближе. — Стефаній! останься ты здѣсь для охраненія моей матери и Софіи, а я попробую одинъ, не могу ли разсѣять этихъ бродягъ, и проложить мечомъ своимъ свободный намъ путь. — Храни тебя Богъ! вдаваться въ очевидную опасность, — сказала съ ужасомъ Клавдина.... Развѣ ты хочешь ускорить смерть несчастной твоей матери? — Но вѣдь для насъ гораздо будетъ опаснѣе ожидать ихъ нападенія, — возразилъ Михаилъ, — когда они хорошо оное обдумаютъ: — надобно рѣшительнымъ ударомъ опровернуть ихъ лютые замыслы— и я надѣюсь, съ помощію Бога,

ихъ разсѣять и заставить бѣжать отъ меча моего. — Нѣтъ, нѣтъ, коли ты на это рѣшился, то я послѣдую за тобою, пусть одинъ ударъ убійцъ сихъ поразитъ меня съ тобою, — сказала Клавдина, удерживая своего сына, порывающагося идти. — Бога ради, успокойся, моя дражайшая, и дай мнѣ дѣйствовать одному, или погибнемъ невозвратно! — Ты видишь сама, что эта стая вороновъ скоро разлетится. — О! нѣтъ, нѣтъ! Ради самого Спасителя нашего, не ходи туда, или я умру съ отчаянія. — Клавдина! предоставь Богу, защитнику невинности, руководствовать въ семъ опасномъ предпріятіи твоего сына, — сказалъ Стефаній: Михаилъ, какъ я замѣтилъ, облеченъ въ крѣпкую броню. — Мечъ его смертоносецъ въ сильной его десницѣ, противу коего ничто устоять не можетъ; я уже многократно видѣлъ ужасныя его дѣйствія и сіи подлые,

подкупленные вашими врагами убійцы, не выдержатъ его поражающихъ ударовъ. — Я тебѣ за это ручаюсь, — пусти его. Боже мой! я умираю.... — сказала въ отчаяніи Клавдина, прижавшись съ трепетомъ къ юной Софіи, — и Михаилъ, какъ стрѣла, пущенная изъ лука мощною рукою, въ одно мгновеніе, очутился вблизи многихъ убійцъ, удивленныхъ отчаяннымъ поступкомъ нашего героя, — и отступившихъ нѣсколько шаговъ назадъ. — Подлые трусы и убійцы! — вскричалъ имъ громко Михаилъ: — дайте намъ дорогу, или вы жизнію своею заплатите мнѣ за ваше дерзновеніе? — Михаилъ! — вскричалъ одинъ изъ толпы злодѣевъ! — Друзья разомъ! живымъ, или мертвымъ доставимъ его насъ пославшимъ, но мы получимъ великую награду! — сказалъ, — и нѣсколько мечей вдругъ засверкали для пораженія нашего героя. — Эта награда будетъ

стоить вамъ жизни! — сказалъ Михаилъ, — и устремясь на враговъ своихъ, первыхъ дерзнувшихъ вступить съ нимъ въ бой, повергъ остріемъ меча своего мертвыми на землю. — Прочіе соединясь вмѣстѣ, въ числѣ четырехъ, окружили со всѣхъ сторонъ Михаила, весьма проворно отбивающаго мечи ихъ и наносящаго своимъ неисцѣлимыя и жестокія имъ язвы. — Другіе, въ числѣ четырехъ же человѣкъ, напали на Стефанія, храбро защищающаго ввѣренную ему драгоцѣнность; но злодѣи раздѣлясь на двѣ части — двое сражались съ Стефаніемъ, а двое, схвативъ Софію, повлекли ее въ густоту кустарниковъ; жалобные вопли несчастной, повторяемые, заставили Стефанія обратиться для ея спасенія, какъ въ туже минуту одинъ изъ злодѣевъ поразилъ его сзади жестоко мечомъ своимъ, — и они бросились на помощь къ хищникамъ Софіи.

Отчаянный вопль Софіи и Клавдины,

облилъ холоднымъ потомъ лице Михаила и пролилъ ужасъ въ его богатырское сердце. — Желая поспѣшить на помощь къ погибающимъ, онъ удвоилъ свое мужество, и поражая мечомъ своимъ злодѣевъ, заставилъ обратиться въ бѣгство, а самъ опрометью бросился къ оставленнымъ,—увидѣвъ мать свою лежащую въ обморокѣ, и Стефанія жестоко раненаго, который умолялъ его спасти несчастную Софію, убійцами похищенную, напомнивъ, что онъ пролилъ кровь свою защищая мать его. Михаилъ, по показанію Стефанія, бросился въ ту сторону, какъ въ туже минуту, градская стража, услышавъ вопли и стукъ оружія, прибѣжала на мѣсто сего позорища, и узнавъ всѣми уважаемаго и любимаго Михаила, изъявила ему свою радость и предложила свои услуги — Вы 5 человѣкъ, останьтесь здѣсь при моей матери и Стефаніи, а вы остальные слѣдуйте за мною, —

сказавъ сіе, онъ пустился съ стражами бѣжать чрезъ поляну къ лѣсу, къ густымъ кустарникамъ, гдѣ чаялъ настигнуть Софію и ея похитителей; но обращая всюду взоры и приклоняя свой слухъ, онъ не видалъ ничего и не слыхалъ.

Давъ знакъ остановиться стражамъ и соблюдать молчаніе, онъ еще сталъ прислушиваться — и замѣтилъ въ нѣкоторомъ отдаленіи впереди колебаніе и трескъ кустарника, — и потомъ голосъ Софіи, кричавшей: пустите меня, чудовища! или лишите скорѣе жизни!

Сего довольно было для нашего героя, онъ въ нѣсколько скачковъ очутился на томъ мѣстѣ, и громко произнесъ: Софія! гдѣ ты? Вмѣсто отвѣта, вдругъ съ двухъ сторонъ изъ кустарниковъ злодѣи поразили его мѣтко своими мечами; но Михаилъ, не взирая на ужасную боль отъ ранъ своихъ, съ такою неимовѣрною силою махнулъ ме-

чомъ своимъ, что, ссѣкши имъ большую часть кустарника, поразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и убійцъ своихъ, которые съ воплемъ бросились въ густоту лѣса, куда, хотя и преслѣдуемые стражею, скрылись. — Но въ какой приведенъ былъ ужасъ, когда увидѣлъ у одного дерева несчастную Софію, лежащую въ смертельномъ обморокѣ съ веревочною петлею на шеѣ.

Полагая ее лишенною жизни, внезапный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ его членамъ, — и онъ нѣсколько минутъ былъ неподвиженъ, какъ бы превращенный очарователемъ въ камень. — О Боже! если сія прелестная дѣва погибла!... — сказалъ онъ самъ про себя, — то не только отецъ ея не перенесетъ ея смерти, но и я до могилы буду оплакивать ея мученическую кончину!

Михаилъ дрожащею стопою приближается къ несчастной; становится под-

лѣ нея на колѣни, и съ восхищеніемъ ощутивъ біеніе ея сердца, сбрасываетъ пагубную петлю съ ея шеи, беретъ ее въ свои объятія, — и летитъ съ нею къ ея отцу и своей матери.

Не доходя нѣсколько десятковъ шаговъ до того мѣста, онъ увидѣлъ злополучнаго отца ея опирающагося на мечъ стой и ползущаго на колѣнях, имъ на встрѣчу.

— Стефаній! это ты? — о! молись и благодари Бога! дочь твоя Имъ спасена! — (*кладетъ все еще находящуюся Софію въ обморокъ подлъ ея отца*).

Стефаній (*полагая ее лишившеюся жизни*). Варвары! вы ее умертвили!... вы лишили меня единственнаго блага жизни!... Чудовищи! поразите вмѣстѣ съ нею злополучнаго ея отца!... Софія! милая, драгоцѣнная дочь моя! Какая жестокая рука убійцы дерзнула скосить столь прелестный цвѣтокъ!... Увы! ты оставила бѣднаго твоего отца круглымъ

сиротою влачить бѣдственные дни жизни. Но нѣтъ, нѣтъ, я не хочу минуты жить, тебя лишившись!... Софія! я иду съ тобою соединиться!... (*Устремляетъ мечъ въ грудь свою, Михаилъ его обезоруживаетъ*). Злодѣй! чудовище! крокодилъ! исчадіе ада! не довольно, что ты лишилъ жизни дочь мою, но и у меня отнимаешь послѣднее средство съ нею соединиться....

Михаилъ (*рыдая*). Стефаній! успокойся, ради Бога! дочь твоя жива: она только находится въ сильномъ обморокѣ.

Клавдина, услышавъ стенаніе отца Софіи, спѣшитъ на то мѣсто, — и увидѣвъ своего сына, съ восторгомъ бросается въ его объятія, но усмотрѣвъ Софію лежащую въ обморокѣ, и почтя ее также мертвою, ужасается и трепещетъ. — Софія! несчастная, милая дочь! — воскликнула горестно Клавдина, и упала на грудь Софіи съ рыданіемъ.

Матушка! Стефаній! Что это вы вздумали изъ живой Софіи дѣлать мертвую!... посмотрите, вотъ она начинаетъ шевелиться и приходитъ въ чувство, дайте ей свободу — и не мѣшайте возвращенію памяти!

Софія (*не открывая глазъ своихъ*). Родитель мой! Клавдина! Михаилъ! гдѣ вы? — зачѣмъ вы оставили меня въ рукахъ жестокихъ убійцъ, готовившихъ мнѣ самую ужасную смерть!

Стефаній (*приходя въ разсудокъ*). Это голосъ моей дочери? — она жива!... Она возвращена мнѣ!... Благодарю Тебя, Отецъ небесный! (*приползаетъ къ своей дочери и обнимая ее*). Софія! нѣжная, послушная дочь! открой ясныя очи твои, и скажи хотя одно слово въ утѣшеніе страждущаго и умирающаго отца твоего....

Софія открываетъ глаза, видитъ своего отца, Клавдину и Михаила. — Съ радостнымъ восклицаніемъ сжимаетъ

первыхъ въ своихъ объятіяхъ, — и нѣжно смотритъ на послѣднято. — Скажите: кто спасъ меня изъ рукъ хищныхъ убійцъ, готовившихся повѣсить меня на деревѣ?

Начальникъ стражи. Храбрый Михаилъ Новгородскій разсѣявшій и поразившій твоихъ похитителей, но за то самъ смертельно ими раненый.

Софія (*съ ужасомъ*). Смертельно раненый!... О! Боже милосердый! пусть бы я лучше погибла отъ руки злодѣевъ, чѣмъ пролилась его драгоцѣнная кровь для моего спасенія!...

Михаилъ. Не вѣрь ему, прекрасная Софія! раны мои маловажны и не заслуживаютъ твоего безпокойства. — Ты видишь, что я стою и говорю бодро: а смертельно раненый не въ силахъ этого дѣлать, — (*къ стражѣ*). Завтрашній день вы будьте свидѣтелями предъ гражданами нашими въ семъ плачевномъ произшествіи. — А теперь помогите

намъ дойти до моего дома, гдѣ вы щедро будете мною награждены.

Стражи изъявивъ Михаилу свою благодарность, и посадивъ на щиты Стефанія и Клавдину, понесли въ городъ, а Михаилъ, ведя подъ руку прекрасную Софію, слѣдовалъ за ними.

Подошедъ къ дому Михаила, служители, безпокоющіеся о долгомъ его отсутствіи, съ радостію увидѣли его возвращеніе, и крайне удивились его сопровождавшимъ. — Михаилъ, щедро одаривъ стражу, отпустилъ ее въ свое мѣсто, а самъ приказалъ Ахиллесу, своему оруженосцу, какъ можно скорѣе скакать къ искусному врачу Леону — и привести его съ собою въ домъ.

Между тѣмъ Клавдина, совершенно избавившаяся отъ ужасовъ сей ночи, съ восхищеніемъ смотрѣла на своего сына, окруженнаго его служителями, горячо его любившими, которые въ страшномъ безпокойствѣ смотрѣли на

кровь, капавшую изъ ранъ его на полъ, — и умоляли его не дешевить столь драгоцѣнною для нихъ жизнью.

Клавдина съ Софіею только въ сіе время могли примѣтить смертную блѣдность и мутные взоры Михаила, который единственно для ихъ успокоенія хранилъ желѣзное терпѣніе въ ужасной боли, чувствуемой имъ отъ сихъ ранъ.

— Милый сынъ! воскликнула горестно Клавдина: ты вѣрно жестоко раненъ и чувствуешь мучительную боль отъ сихъ ранъ, ибо, не взирая на принужденное твое спокойствіе и улыбку, блѣдность твоего лица и мутные взоры ясно мнѣ доказываютъ первое. — Увы! я ужасаюсь, припоминая слова изверга, побѣжденнаго тобою въ подземельи, что встрѣтятъ грудь твою мечи, омоченные въ ядъ, который заставитъ въ страшныхъ мученіяхъ кончить твою драгоцѣнную намъ жизнь! — Тогда что будетъ съ твоею злополучною матерью!—

Успокойся дражайшая! и не всякому слуху вѣрь, — отвѣчалъ Михаилъ, стараясь чрезъ силу улыбнуться. — Можно ли основаться на сихъ словахъ злодѣя, желавшаго чрезъ оныя внушить въ насъ ужасъ, и тѣмъ по крайней мѣрѣ удовольствовать свое адское мщеніе. — Еслибъ слова его были не одною выдумкою, то давно бы пагубное дѣйствіе яда, разлившись по моимъ жиламъ, лишило меня чувствъ, а можетъ быть и самой жизни; но я увѣряю всѣхъ васъ, что кромѣ небольшой боли отъ ранъ сихъ, ничего болѣе и не ощущаю. — Это увѣреніе сколь ни восхитительно для насъ, но не имѣетъ въ себѣ малѣйшей правдоподобности, — возразила Софія, — отирая ручьи слезъ своихъ, кои бы Михаилъ желалъ своими поцѣлуями изсушить, чувствуя въ душѣ своей восторгъ отъ ожидающаго его благополучія въ любви сей прелестнѣйшей дѣвицы, которой красота усу-

губилась отъ горести, питаемой ею объ опасности Михаила, сдѣлавшаго на нее сильное впечатлѣніе съ перваго взора въ подземельи; да это и легко могло случиться, ибо здѣсь надобно упомянуть, что герой нашъ, исключая величайшаго мужества и силы, былъ самой привлекательной наружности. — Онъ былъ роста высокаго; имѣлъ высокую и широкую грудь, въ которой билось богатырское и вмѣстѣ самое чувствительное сердце. — Станъ его былъ тонкій и гибкій, а поступь величественная. Осмнадцатая весна жизни разсыпала розы на щекахъ его, контрастирующихъ съ бѣлизною лица. — Черные, выразительные глаза, блистающіе огнемъ геройства, осѣнялись густими рѣсницами, а темнорусые кудри, разсыпаясь по гордому его и умному челу, упадали въ локонахъ на широкія плеча, доказывающія въ немъ силу Геркулеса.— О Софіи можно сказать, что она была

идеалъ красоты. Вотъ краткій и самый вѣрный портретъ Софіи, весьма порядочно, или можно сказать, превосходно, въ тогдашнее время образованной Клавдіею, занимавшею у нея мѣсто матери, которой она, при произведеніи въ свѣтъ, лишилась, — не упоминая о душѣ и сердцѣ, которыя столь же были прекрасны, какъ и ея наружность.

Петръ, дядька и наставникъ нашего героя, добрый, чувствительный старикъ, давно хранилъ на сердцѣ своемъ желаніе узнать, почему Михаилъ назвалъ одну изъ женщинъ матерью, а воина другомъ своего отца; но опасался неумѣстнымъ своимъ вопросомъ огорчить своего господина и питомца. — Однакожъ это не могло укрыться отъ проницательныхъ взоровъ Михаила, который чрезвычайно любилъ и уважалъ этого стараго своего дядьку. — Я вижу, — сказалъ Михаилъ, — изъ взоровъ всѣхъ моихъ людей, а въ особен-

ности Петра, что они желали бы знать, кои сіи особы, меня окружающія. — Петръ, почесывая свой лобъ, — вы угадали мое желаніе, — и если милость ваша будетъ, то.... Михаилъ прерывая его, — сказать тебѣ и всѣмъ здѣсь предстоящимъ объ этомъ? — Изволь: это моя мать, Клавдина, супруга моего отца Амфилогія Новославскаго, безъ вѣсти пропавшаго уже 18-й годъ т. е. съ первыхъ дней моего младенчества, когда я ввѣренъ былъ попеченіямъ добродѣтельнаго Андрея, вашего господина, а моего благодѣтеля и втораго отца. А это храбрый витязь и другъ моего отца Стефаній съ своею дочерью прелестною Софіею, которую воспитывала моя мать. — Великій Боже! — вскричалъ обрадованный Петръ, — какое для насъ всѣхъ блаженство! (*къ прочимъ служителямъ*). Падемте къ ногамъ матери нашего благодѣтеля и отца, для

изъявленія ей нашей преданности, радости и почтенія.

Всѣ падаютъ на колѣни предъ Клавдіею и цѣлуя ея руки, обливаютъ слезами восхищенія. — Встаньте, добрые люди, сказала имъ растроганная Клавдина, — я въ полной мѣрѣ теперь вижу вашу любовь и приверженность къ моему сыну, которыя радуютъ мое материнское сердце! — Встаньте, прошу васъ. — (*всѣ встаютъ и не сводя глазъ своихъ, восхищенные добротою ея сердца и лаской имъ изъявленною*).

Стефаній съ Софіею и Михаиломъ смотря на сію трогательную сцену, проливали также слезы умиленія и наслаждались всеобщимъ восторгомъ. — Благодарю васъ за доказательство вашей ко мнѣ любви и преданности, ясно изображающихся въ вашихъ взорахъ и слезахъ, что доставляетъ мнѣ новый долгъ, еще болѣе пещись о вашемъ благопо-

лучіи, — сказалъ людямъ своимъ Михаилъ.

Петръ (*отирая слезы*). Какаго намъ еще желать благополучія, когда ты насъ любишь и жалуешь, какъ дѣтей своихъ, и когда мы видимъ твое счастіе, въ найденной тобою, твоей достойной матери?

Теперь всѣ удалитесь по своимъ мѣстамъ. — А ты, Петръ, останься здѣсь. — Ты имѣешь предъ прочими это преимущество, потому что въ младенчествѣ моемъ ходилъ за мною и лелѣялъ мою юность, сказалъ Михаилъ, садясь между своей матери и Софіи, пожимая нѣжно ихъ руки, — милыя, драгоцѣнныя душѣ моей! какимъ восторгомъ объято мое сердце, обрѣтшее столь печальнымъ случаемъ такое сокровище, — и онѣ обѣ, преклонивъ головы свои къ его груди, съ восхищеніемъ смотрѣли ему въ глаза, въ ко-

ихъ ясно изображалось его счастіе и любовь.

Чрезъ часъ Ахиллесъ возвратился съ врачемъ Леономъ, который въ минуту осмотрѣвъ раны Клавдины и Стефанія, перевязалъ ихъ и увѣрялъ, что онѣ ни мало не опасны, и онъ ручается за скорое оныхъ исцѣленіе.

Когда же пришла очередь до Михаила, то сей просилъ врача сдѣлать ему операцію въ другой комнатѣ, и ушелъ съ нимъ и Петромъ въ самый отдаленный покой.

Леонъ осмотрѣвъ раны нашего героя, одну на правой груди, а другую на лѣвой рукѣ, съ ужасомъ пожалъ плечами — и спросилъ у Михаила, что онъ чувствуетъ отъ ранъ своихъ? — Пламень, разливающійся по моимъ жиламъ, и сонъ невольно смыкающій мои вѣжди, съ болью весьма чувствительною въ сихъ ранахъ, отвѣчалъ послѣдній. — Еще нѣсколько минутъ медле-

нія, и сей сонъ былъ бы послѣднимъ въ твоей жизни, сказалъ врачъ, ибо оружіе, которымъ ты раненъ, напитано было ядомъ столь сильнымъ и угрожающимъ тебѣ близкою и мучительною смертію. Но не отчаявайся: съ помощію Бога и моего искусства, я совершенно извлеку его изъ ранъ твоихъ, начинающихъ уже онымъ заражаться и портить кровь твою. — Ты шутишь, Леонъ? спросилъ у врача съ улыбкою Михаилъ. — Послушай, храбрый юноша! возразилъ Леонъ. — Ты столь мало думаешь о своей жизни, что даже и въ самомъ отчаянномъ твоемъ положеніи полагаешь себя безопаснымъ; и я тебѣ еще повторяю, что еще нѣсколько минутъ, и тебѣ бы запѣли вѣчную память!... Вотъ ты сейчасъ увидишь справедливость моихъ словъ. — Петръ! подай сюда серебряное большое блюдо, и позови сюда человѣка три людей надежныхъ, они необходимы въ сей опа-

сной операціи, — прибавилъ врачъ, — и Петръ, ужасающійся объ опасности своего господина, опрометью бросился изъ горницы, бѣжавъ чрезъ ту, въ которой были Клавдина, Стефаній и Софія, про себя повторялъ слова сіи. — Ядъ смертельный въ ранахъ его!... О! Боже! спаси его!....

Клавдина, услышавъ сій слова (*съ трепетнымъ ужасомъ*) — ядъ!... Милосердый Творецъ! несчастный, милый сынъ!...

Софія. (*готова упасть въ обморокъ*) — Отецъ небесный! спаси его!... О! я не переживу его кончины!... я его убійца!... спасая жизнь мою, онъ утратилъ свою собственную!...

Стефаній. Жестокая неосторожность!.. Успокойтесь!... этого быть не можетъ.

Клавдина. Ахъ! слова чудовища исполнились!... (*рыдаетъ*).

Софія. Онъ на вѣкъ будетъ нами потерянъ!... (*также рыдаетъ*).

Стефаній. Безполезными вашими жалобами и стенаніями вы только напрасно убиваете себя. — Они могутъ достигнуть до слуха Михаила, и заставять его, пренебрегая своею жизнію, придти сюда, чтобъ васъ успокоить.

Клавдина. Увы! хотя бъ послѣдній разъ глаза мои насладились его лицезрѣніемъ!... Я побѣгу къ нему, чтобъ принять его послѣдній вздохъ и умереть на его тѣлѣ!...

Софія. Я слѣдую за тобою, мать несчастная!...

Стефаній. Храни васъ Богъ отъ этого неосмотрительнаго поступка. — Вы сократите вашимъ отчаяніемъ жизнь его!... Останьтесь и имѣйте болѣе вѣры и упованія на милосердіе нашего Творца!

Въ это время, какъ несчастные тутъ страдали, происходила въ другой комнатѣ операція съ Михаиломъ. Ну, что же теперь чувствуешь, стальной юноша? спросилъ онъ у Михаила, коего

терпѣніемъ и мужествомъ былъ удивленъ. — Увеличившуюся боль въ моихъ ранахъ и менѣе во внутренности воспаленія, — отвѣчалъ съ печальною улыбкою ему Михаилъ. Слава Богу! вскричалъ съ восхищеніемъ Леонъ. — Ты теперь спасенъ, ибо весь ядъ изъ твоего тѣла истребленъ, коего ужасныхъ дѣйствій я опасался до сей самой минуты. — Перевязываетъ раны больнаго и совѣтуетъ ему нѣсколько часовъ успокоиться на своемъ ложѣ, пока лѣкарство ему данное и мази примутъ свои дѣйствія. — Я бы на это согласился, отвѣчалъ Михаилъ, еслибъ могъ быть увѣренъ, что особы, страдавшія въ это время о моемъ положеніи, могутъ быть увѣрены и успокоены въ моей безопасности. — Да неужели эти особы дороже тебѣ твоей жизни? спросилъ врачъ у нашего героя. — Во сто кратъ, отвѣчалъ послѣдній, когда ты узнаешь, что одна изъ женщинъ, у ко-

ей ты перевязалъ рану, есть моя мать, а второй другъ моего отца, спасшій ее и меня отъ погибели и неминуемой смерти, съ своей прелестною дочерью, воспитанною моею матерью, которую почти 18 лѣтъ не зналъ. — Ваша мать? спросилъ врачъ съ удивленіемъ. — Да, моя мать, самая нѣжная, добродѣтельная мать, и несчастная супруга моего отца Амфилогія Новославскаго, безъ вѣсти пропавшаго, когда я имѣлъ только отъ рожденія нѣсколько недѣль, — отвѣчалъ Михаилъ. — Сердечно радуюсь и поздравляю тебя съ этимъ счастіемъ! сказалъ добрый врачъ, и берусь, ихъ сію же минуту успокоить, пока ты придешь въ возможность ихъ принять въ свою комнату. Я сейчасъ иду къ нимъ, а ты, Петръ съ Филадельфомъ, не отходите отъ постели вашего господина, и коли послѣдуетъ съ нимъ какая перемѣна, въ ту же минуту дайте мнѣ знать.

Едва только врачъ показался въ комнатѣ, гдѣ были наши героини, какъ вдругъ сдѣлали ему онѣ нѣсколько вопросовъ:

Клавдина (*со страхомъ*). Мой сынъ раненъ смертельно?

Софія. У него ядъ въ ранахъ?

Клавдина. Ради Бога! скажите — будетъ ли онъ живъ?

Софія. Есть ли надежда на его спасеніе?

Будетъ живъ и исцѣленъ. — Ядъ истребленъ совершенно изъ ранъ его, отвѣчалъ Леонъ; но ему надобно нѣсколько времени успокоиться, пока лѣкарства возьмутъ свои дѣйствія, — и я прошу васъ не мѣшать ему и вѣрить моему слову, что онъ совершенно безопасенъ. — Слава Богу! повторили всѣ въ одинъ голосъ, — и радость изобразилась на всѣхъ лицахъ. — Но, не обманываете ли вы насъ? спросила у врача Клавдина, устремивъ любопытный

на него взоръ. — Уста и сердце мое всегда гнушались лжи, — отвѣчалъ спокойно Леонъ; вы черезъ короткое время удостовѣритесь въ истинѣ мною вамъ сказаннаго.

Когда сіи занимались сими и другими разговорами, то Михаилъ въ это время заснулъ весьма спокойно и пробудясь, увидѣлъ подлѣ кровати своей, стоявшихъ въ печальномъ размышленіи, Ахиллеса и Петра. — Гдѣ моя мать? Гдѣ Стефаній и Софія? — спросилъ онъ ихъ съ участіемъ и безпокойствомъ. — Они въ той комнатѣ, гдѣ и прежде были, отвѣчалъ Петръ, и съ нетерпѣніемъ ожидая вашего пробужденія, уже много разъ присылали узнать о вашемъ положеніи. — Ну, такъ я не могу же оставить ихъ надолго въ грустной неизвѣстности, пойду самъ къ нимъ, чтобъ ихъ успокоить, — сказалъ Михаилъ, — и, вставъ съ своего ложа накинулъ на себя легкій охабень, къ нимъ

пошелъ. Петръ и Ахиллесъ, взглянувъ другъ на друга, пожали плечами и за нимъ туда жъ послѣдовали.

Какой восторгъ обаялъ всѣхъ души и сердца, когда они увидѣли нашего раненаго, къ нимъ вошедшаго, который подошедъ, съ восхищеніемъ поцѣловалъ руки у матери и Софіи, и пожавъ тихо у Стефанія.

— Вотъ и я съ вами, сказалъ Михаилъ, садясь подлѣ своей матери, ваши молитвы о моемъ спасеніи не были предъ Богомъ тщетны. — Злодѣи излили было весь ядъ своего мщенія на насъ, но онъ — Отецъ Небесный, сдѣлалъ по Своему, — и доставлялъ намъ случай жестоко отмстить врагамъ нашимъ и можетъ быть обрѣсти моего родителя, если онъ только еще обрѣтается въ живыхъ.

— Это мщеніе надобно на время оставить, сказалъ Леонъ, пока ты хоть не много укрѣпишься въ своемъ здоровьи,

а то сильное воспламененіе въ крови отъ справедливаго твоего гнѣва и напряженія нервъ въ подобномъ случаѣ, когда ты долженъ взывать къ народу, доказывать убійственные поступки твоихъ враговъ и требовать немедленнаго удовлетворенія, могутъ для тебя быть вредны и даже опасны. — Мой совѣтъ, если ты примешь его во благо, есть таковъ, чтобъ ты въ наступающее утро, извѣстилъ о семъ ужасномъ произшествіи посадницу и начальниковъ пяти концевъ города, отыскать вашихъ убійцъ и предать ихъ всей строгости законовъ нашего отечества.

Софія. Я, какъ одна между васъ оставшись не уязвленною, явлюсь завтра на площадь народнаго собранія, объявлю все существо дѣла сего, и стану отъ лица Михаила, Клавдины, моего родителя и самой себя, требовать отъ гражданъ розысковъ убійцъ нашихъ

и удовлетворенія, если вы только мнѣ это позволите.

Михаилъ (*цѣлуя ея руки*). Милая, несравненная дѣвица! отъ всего моего сердца, съ своей стороны тебѣ дозволяю.

Клавдина (*растроганная*). И я также (*цѣлуетъ нѣжно свою воспитанницу*). Дѣйствуй, милая дочь моя, надѣйся на нашу признательность и то счастіе, которое тебя ожидаетъ.

Софія (*устремляя на небо голубые глаза свои, въ которыхъ трепетали блистающія слезы восхищенія*). Ахъ! чего я не въ состояніи сдѣлать для столь драгоцѣнныхъ особъ! — Ты зришь это, Отецъ небесный!

Всѣ были растроганы чувствами сей прелестной дѣвицы, и отецъ съ нѣжностію прижалъ ее къ своему сердцу.

Ты любезный Леонъ, я думаю, исполнишь нашу общую просьбу и останешься въ моемъ домѣ, пока минуетъ

наша опасность отъ ранъ, сказалъ врачу Михаилъ. — Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ сей добрый старикъ, — я какъ холостой человѣкъ, живущій подобно отшельнику въ своемъ убѣжищѣ, право часто скучаю одиночествомъ, ибо хотя имѣю обширныя занятія въ врачеваніи нашихъ гражданъ, большею частію изъ человѣколюбія; но такъ несчастливъ, что еще по сіе время не могъ пріобрѣсти себѣ друга, съ которымъ бы дѣлилъ свободныя минуты отъ моихъ занятій. — Ну такъ мы тебя вдругъ можемъ наградить нѣсколькими друзьями, возразилъ Михаилъ, если ты останешься жить съ нами подъ одною кровлею, — и право не будешь раскаяваться, если примешь мое предложеніе. — Съ охотою, сказалъ врачъ, обнимая нашего раненаго, — такое общество милыхъ особъ, вознаградитъ меня за утраченныя лѣта, въ кои я тщетно сыскать старался себѣ друга. Но сперъ-

ва всѣ выздоравливайте, а потомъ уже и о прочемъ подумаемъ.

Остатокъ ночи прошелъ въ пріятныхъ разговорахъ, и никто изъ нихъ не хотѣлъ предаться покою. — Даже всѣ служители Михаила, восхищенные о минувшей его опасности и обрѣтеніи Клавдины, занимались различными такъ же разговорами, какъ на счетъ сего соединенія, такъ и Стефанія съ прекрасною дочерью, которой желали быть супругою Михаила.

На другой день Михаилъ извѣстилъ, чрезъ Петра и Филадедьфа, о случившемся произшествіи Посадницу и Начальниковъ 5 концевъ города, съ тѣмъ, чтобъ народъ былъ собранъ на Вадимовомъ мѣстѣ, куда не замедлитъ явиться особа, имъ уполномоченная.

Предъ обѣденнымъ благовѣстомъ, звукъ вѣчеваго колокола далъ знать всѣмъ гражданамъ о сборищѣ на Народную площадь, куда всѣ спѣшили,

не знавъ еще предмета, для коего ихъ призывали.

Ну, милая дочь моя! сказала Клавдина Софіи: — Вѣчевой колоколъ и тебя призываетъ въ народное собраніе, — иди, съ помощію Божіею, въ путь сей, и защищая права Новославскихъ и своего отца, докажи всему Новгороду, что въ тебѣ существуетъ духъ дочери храбраго воина и доброй воспитанницы несчастной Клавдины. — Я знаю, что тебѣ не нужны наши совѣты и наставленія, ибо разумъ твой здравъ и образованъ; — душа чиста, какъ лучъ весенняго солнца, — а сердце принадлежитъ тѣмъ, кого ты намѣрена въ семъ случаѣ представлять лицо, предъ судилищемъ народа. — Тебѣ уже теперь извѣстна моя супруга моего и сына исторія жизни, а послѣднему произшествію ты была сама свидѣтельницею и дѣйствующимъ лицемъ. — Иди! Господь да благословитъ твое благородное пред-

пріятіе и увѣнчаетъ его успѣхомъ; а Ангелъ-хранитель осѣнитъ тебя щитомъ своимъ. — Стефаній! благослови дочь свою на сей достославный подвигъ! — и Софія поверглась предъ отцемъ своимъ на колѣни, который ее благословивъ, нѣжно поцѣловалъ — и примолвилъ: спѣши, милая дочь моя, спѣши доказать намъ твое благоразуміе и ту любовь, которую мы къ тебѣ питаемъ,— и Софія, въ глазетовую ферязь облеченная, и драгоцѣнными аматистами украшенная, имѣя на головѣ своей розовый вѣнокъ, покрытый бѣлымъ флеромъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ прислужницъ, одѣтыхъ въ багряницы, и Ахиллеса съ Петромъ въ блестящихъ броняхъ явились среди Народной площади, и граждане, удивленные симъ новымъ зрѣлищемъ, разступясь — дали дорогу нашей героинѣ.

Софія, съ позволенія Посадницы и народа, восходитъ на ступени мѣста

Вадимова, снимаетъ съ главы своей покрывало — и всѣ, пораженные красотою и величественнымъ видомъ юной Софіи, произнесли восхитительный крикъ, который по мановенію Посадницы смолкъ — и всѣ преклонили слухъ къ начатой рѣчи нашей героини.

— Почтенная Посадница и граждане Новогородскіе! произнесла твердымъ, но проникающимъ въ сердца всѣхъ, голосомъ юная Софія, — вы зрите предъ собою дочь храбраго воина и гражданина, Стефанія Славомірскаго, въ лицѣ его, Михаила Новогородскаго и матери его Клавдины Новославской, пришедшую сюда просить вашей защиты и правосудія противу общихъ нашихъ враговъ, минувшую ночь двукратно сдѣлавшихъ на насъ нападеніе, въ уединенномъ за городомъ жилищѣ несчастной Клавдины, и на возвратномъ пути въ городъ, въ коихъ скрытными, и безъ сомнѣнія подкупными убійцами враговъ

Новославскихъ, что можно замѣчать чрезъ исчезнутіе Амфилогія, супруга Клавдины, и отца Михаила Новогородскаго, ввѣреннаго воспитанію Андрея Сильнаго, около 18 лѣтъ тому назадъ, — отецъ мой, Клавдина и Михаилъ, жестоко раненые, не могутъ лично явиться предъ Судилище народа, ибо послѣдняго раны подвергли его опасности лишиться жизни отъ сихъ убійцъ, поразившихъ его мечами, напитанными смертоноснымъ ядомъ!

Нородъ волнуется, и громко восклицаетъ; смерть симъ убійцамъ и ихъ сообщникамъ, дерзнувшимъ нарушить благоденствіе и спокойствіе гражданъ, достойныхъ всѣхъ почестей и славы!

Посадница подаетъ вторичный знакъ къ молчанію—и народъ смолкаетъ.

(*Софія продолжаетъ*).

Можетъ быть, въ это послѣднее нападеніе, какъ они, такъ и я, увлечен-

ная сими злодѣями въ лѣсъ, неминуемо бы погибли и лишились жизни, еслибъ не подоспѣла къ намъ на помощь ночная Градская стража, разсѣявшая сихъ убійцъ; а искусный врачъ Леонъ не сдѣлалъ отцу моему, Михаилу и Клавдинѣ, спасительныхъ пособій, въ особенности Михаилу, какъ я выше упомянула, уязвленному убійцами оружіемъ, напитаннымъ ядомъ. — Они-то въ лицѣ моемъ, прибѣгая подъ покровительство и защиту гражданъ Новогородскихъ, просятъ ихъ — открывъ слѣды убійцъ, подкупленныхъ врагами Новославскихъ, кои, какъ полагаетъ Клавдина и Михаилъ, были причиною похищенія Амфилогія, неизвѣстно нынѣ находящагося ли въ средѣ живыхъ, и заключеннаго ими гдѣ нибудь въ мрачной темницѣ, или давно ими умерщвленнаго, — поступить съ таковыми по строгости законовъ Ноговородскихъ. — О чемъ Михаилъ, получивъ исцѣленіе отъ ранъ

своихъ, представитъ народу свои жалобы, резоны и даже подозрѣнія на тѣхъ изъ гражданъ, кои занимая высокую степень въ отечествѣ, сдѣлались врагами Новославскихъ.

Граждане Новогородскіе! въ лицѣ собственно моемъ, и довѣрившихъ мнѣ, отца моего Стефанія, Клавдины и Михаила, требую удовлетворенія жестокихъ причиненныхъ мнѣ и имъ обидъ и понесенныхъ имъ язвъ отъ убійцъ на насъ напавшихъ. — Ваше рѣшеніе я должна буду передать имъ, въ твердомъ упованіи, что народъ справедливый обязанъ оказать намъ удовлетвореніе и защиту.

Народъ вторично и громко требуетъ отысканія убійцъ и враговъ Новославскихъ. — Марфа, для успокоенія гражданъ, входитъ на Вадимово мѣсто, съ коего сошла Софія — и подавъ знакъ къ молчанію, произноситъ рѣчь:

Граждане! столь удивительное и ужасное произшествіе сею юною дѣвою намъ представленное, обязываетъ насъ употребить строгія мѣры къ отысканію убійцъ, дерзнувшихъ произвести столь гибельные замыслы на жизнь Новославскихъ и Славомірскихъ. — И потому почестные изъ гражданъ должны изслѣдовать все существо сего дѣла; освидѣтельствовать положеніе раненыхъ, и увѣрить Михаила, его мать, Стефанія и сію оную дочь его, въ удовлетвореніи, какъ скоро будетъ открытъ сей ужасный заговоръ; — какъ равно и то, точно-ли Михаилъ, воспитанный отъ пеленъ Андреемъ Сильнымъ, принадлежитъ къ фамиліи Новославскихъ и есть сынъ безъ вѣсти пропавшаго Амфилогія и Клавдины, о чемъ народъ былъ прежде ими извѣщенъ. — Такіе безпорядки и злодѣянія скрытныхъ убійцъ, доселѣ еще не нарушающихъ спокойствія нашего отечества, помрачаютъ его славу

— и должны, по открытіи ихъ, подвергнуться смерти какъ равно и тѣ, которые имѣли въ семъ ужасномъ умыслѣ съ ними какое либо сношеніе.

Весь народъ громкимъ восклицаніемъ одобрилъ слова своей Посадницы, и юная Софія, въ сопровожденіи знаменитыхъ гражданъ города, съ почестію и тріумфомъ, возвратилась въ домъ Новославскаго, гдѣ ее сопровождающіе, были Михаиломъ пышно угощены, и удостовѣрясь въ истинѣ всего случившагося съ нашими друзьями, возвратились къ Посадницѣ, и удовлетворя ея любопытство, вторично утвердили учинить строжайшіе розыски объ убійцахъ и ихъ соумышленникахъ.

Между тѣмъ, какъ сіи изслѣдованія безъ всякаго успѣха продолжались, наши раненые почти совершенно были выпользованы искусствомъ своего врача, — и Михаилъ просилъ мать свою,

докончить прерванную плачевнымъ происшествіемъ ея исторію въ подземельи.

— Увидѣвъ, что надежды наши на возвращеніе Амфилогія были тщетны, я рѣшилась, по совѣту Стефанія, съ величайшимъ прискорбіемъ съ тобою разлучиться, продолжала свою исторію Клавдина. — Увы! сколько пролито мною слезъ при прощаніи съ тобою, покоющемся у моей груди, когда Стефаній, возвратясь домой, объявилъ мнѣ, что Андрей Сильный, имѣвшій привычку каждое утро прогуливаться по берегу рѣки Волхова, туда пошелъ и теперь есть самый удобный случай ввѣрить тебя его попеченіямъ, чтобъ избавить отъ подобной участи съ отцемъ твоимъ. Жестокое отчаяніе о разлукѣ лишило меня чувствъ, — и Стефаній, воспользовавшись сею минутою, взялъ тебя въ свои объятія, унесъ на берегъ Волхова, положилъ такъ, чтобъ Андрей могъ тебя увидѣть—и не обманулся.—

Ты проснулся, плачевный вопль твой привлекъ къ тебѣ добродѣтельнаго Андрея; онъ съ радостію схвятилъ тебя въ свои объятія, возвратился въ городъ, и представивъ тебя народу, обѣщался усыновить и сдѣлать достойнымъ сыномъ отечества.

Андрей въ полной мѣрѣ исполнялъ свое обѣщаніе. — Ты былъ отлично имъ образованъ, и я часто тайно тебя видавъ, восхищалась тобою, но не смѣла открыться твоему благодѣтелю, что я мать твоя.

Протекло 18 лѣтъ отъ твоего рожденія, но объ отцѣ твоемъ не было никакого слуха, — Андрей и супруга его скончались — и ты сдѣлался наслѣдникомъ всего ихъ имѣнія — и гремѣлъ славою своихъ подвиговъ и добродѣтелей среди гражданъ Новогородскихъ.

Марфа, сія коварная, властолюбивая, но въ высшей степени умная жена, увидѣвъ, вы сколь большомъ ты уваженіи

у гражданъ, вознамѣрилась пріобщить тебя, хитростью своихъ замысловъ, къ числу друзей своихъ и сообщниковъ, дабы чрезъ сіе выиграть исполненіе своихъ надеждъ и плановъ, и возвыситься до главы Новогорода, который она хотѣла подчинить Польшѣ, — о чемъ извѣщенная Стефаніемъ, я, при наступленіи той ночи пошла къ твоему дому, чтобъ увидясь съ тобою, открыть тебѣ твое рожденіе и коварные замыслы Посадницы, но, къ величайшей моей горести, тебя не застала, ибо ты уже былъ въ это время у Марфы.

Посовѣтовавшись о семъ съ провождавшимъ меня Стефаніемъ, мы положили, чтобъ я тебя ожидала у твоего дома, между тѣмъ какъ онъ будетъ стеречь твоего возвращенія отъ Посадницы, Софія же, довольно мужественная и непричастная страха, оставалась одна въ подземельи, куда мы тебя завести намѣревались, — и ожидать тамъ на-

шего прихода. — Стефаній былъ меня счастливѣе въ этомъ случаѣ, — ты самъ теперь знаешь объ окончаніи сей исторіи и гибельной ночи, едва насъ не сопроводившей въ вѣчность отъ убійцъ двукратно на насъ напавшихъ.

Вотъ все то, что ты хотѣлъ знать,— прибавила Клавдина, — изъ чего безъ сомнѣнія легко заключить можешь, сколько горестей и страданій перенесла мать твоя въ разлукѣ съ тобою и отцемъ твоимъ, который, если не погубленъ совершенно коварствомъ Марфы и ея друзей, то вѣрно гдѣ нибудь, въ жестокомъ заключеніи, оплакиваетъ кровавыми слезами свою участь и вѣчную съ нами разлуку. Въ это самое время Павлія произвела на свѣтъ Софію, скончалась, и я кормивъ ее своею грудью, заступила ей мѣсто матери.

Михаилъ, поверженный сими сло-

вами своей матери въ жестокое отчаяніе, въ горестномъ размышленіи сохранялъ глубокое и мрачное молчаніе, и наконецъ воскликнулъ: да погибнетъ сія коварная жена и ея соумышленники! — И я даю торжественную клятву, до того времени не быть спокойнымъ, пока не открою слѣдовъ похищенія моего отца и нашихъ убійцъ! Богъ, внимающій сію мою клятву, будетъ единый моимъ покровомъ и защитою. — Онъ подастъ мнѣ силу и возможность поднять эту непроницаемую завѣсу тайны, чтобъ посрамить враговъ нашихъ! Я уничтожу всѣ хитрые замыслы Посадницы и сдѣлаю ее презрительною въ глазахъ всѣхъ Новогородцевъ! — Безразсудные обѣты, тобою произнесенные, сказалъ Стефаній Михаилу, ясно изображаютъ только волненіе души твоей, убитой горестію и отчаяніемъ. Нѣтъ, не намъ предоставлено открыть и наказать

враговъ нашихъ, имѣющихъ великую силу въ народѣ — и дальновидность, подъ маскою добродѣтелей и блага общественнаго, скрывать всѣ свои коварства и замыслы. — Да и не взирая на то, что ты былъ уже завлеченъ Марфою въ засѣданіе ея сообщниковъ, ни чѣмъ сего доказать не можешь, кромѣ однихъ словъ, которыя она можетъ опровергнуть; ибо вѣрь мнѣ, что съ самой той ночи, когда случилось съ нами столь гибельное произшествіе, утонченная хитрость Марфы и ея друзей, содѣлали таковое открытіе невозможнымъ, ибо какъ ты самъ знаешь, что надежды наши на открытіе убійцъ и враговъ нашихъ вовсе исчезли, когда народные слѣдователи дѣла сего не только не обрѣли убитыхъ враговъ въ подземельи и лѣсу, во время ихъ на насъ нападенія, но даже и жилище твоихъ родителей совершенно ими истреблено въ

туже самую ночь, чтобъ совершенно скрыть всѣ слѣды своихъ преступленій. — Да, я очень теперь жалѣю, что упустилъ изъ вида предосторожность, послать для охраненія сихъ злодѣевъ туда моего мужественнаго Ахиллеса съ людьми, и тогда бы всѣ усилія моихъ враговъ, исхитить ихъ оттуда, остались тщетны, возразилъ Михаилъ, вздохнувъ изъ глубины своего сердца.

Надобно возложить всю печаль нашу и надежды на Господа! сказала Клавдина. — Онъ только одинъ можетъ открыть и посрамить враговъ нашихъ. — Будемъ съ терпѣніемъ ожидать Его милосердія, — и забудемъ, хотя на малое время, претерпѣнныя нами злоключенія, въ семъ счастливомъ соединеніи съ тобою и нашими друзьями, кои достойны всей нашей любви и признательности. — И еслибъ я, хотя предъ послѣдними

можетъ минутами, могла насладиться твоимъ счастіемъ, сынъ мой возлюбленный, то почла бы себя благополучною матерью. — Ты, я думаю, понялъ смыслъ моего желанія, прибавила Клавдина, нѣжно взглянувъ на свою воспитанницу Софію, у коей лице въ ту минуту покрылось розами и сердце отъ восхищенія трепетало.

— Если только не ошибаюсь, сказалъ Михаилъ, то чувства и желанія мои одинаковую имѣютъ съ вами цѣль — (*подошелъ и взялъ нѣжно Софію за руку*). Прелестная Софія! воспитанные одною грудью моей матери, полагаю, что и одни чувства занимаютъ наши чувства и сердечныя движенія, и потому предъ лицемъ и взорами твоего почтеннаго отца, друга и благодѣтеля моихъ родителей, прошу тебя откровенно сказать, могу ли я

ласкаться счастіемъ получить твою руку и сердце, для соединенія нашего неразрывными узами брака? — Могу ли я быть нечувствительною къ твоимъ достоинствамъ, и неблагодарною за попеченія для меня подъятыя твоею матерью? — отвѣчала трепещущимъ голосомъ Софія. — Я давно полюбила тебя всѣмъ моимъ сердцемъ, — и только отъ согласія моего родителя зависитъ будущее мое съ тобою благополучіе. — Да благословитъ Всевышній союзъ вашъ, милыя мои дѣти! возразилъ, проливая радостныя слезы, Стефаній. — Симъ только и была занята душа моя, чтобъ при жизни видѣть мнѣ счастіе единственной моей дочери и сына моего злополучнаго друга.

Онъ и Клавдина благословляютъ дѣтей своихъ, и тѣмъ увеличиваютъ ихъ радость, которую гораздо легче

вообразить, нежели описать слабымъ перомъ моимъ.

Такимъ образомъ Михаилъ и Софія, познавъ другъ въ другѣ сокровеннѣйшія чувства пламенной и нѣжной любви, давно уже занимающей сердца ихъ, съ сего часа свободно питали оную и изъясняли свободно другъ другу то благополучіе, которое ожидаетъ ихъ въ скоромъ соединеніи.

Бракъ сихъ прелестныхъ любовниковъ отложенъ былъ, пока Михаилъ совершенно излечится отъ ранъ своихъ, не вовсе еще закрывшихся, и чтобъ время сіе сократить разными занятіями, то провождая дни въ рукодѣльяхъ, вечера посвящали на разговоры и разсказываніе разныхъ анекдотовъ, повѣстей и даже простонародныхъ сказокъ

Ахиллесъ, оруженосецъ Михаиловъ, болѣе всѣхъ другихъ имѣлъ способности веселить нашихъ друзей, а иногда приводить ихъ въ печаль, слезы и ужасъ своими разсказами.

— Послушай, Ахиллесъ! — сказалъ ему въ одинъ вечеръ Михаилъ. Я давно уже горю желаніемъ узнать собственную исторію твоей жизни, какимъ образомъ ты попалъ сюда въ домъ моего благодѣтеля Андрея, и въ послѣдствіи времени сдѣлался моимъ учителемъ въ военномъ искусствѣ, какъ равно и какая причина заставляетъ тебя всегда искать уединенія въ мрачной печали, покрывающей твои выразительныя и благородныя черты лица, ясно доказывающія съ твоимъ воспитаніемъ, что ты рожденъ къ лучшей участи, чѣмъ какую теперь переносишь. — Говори откровенно со мною, не какъ съ твоимъ господиномъ, но какъ съ истин-

нымъ другомъ, который желаетъ, если только возможно, облегчить твои страданія и поправить ошибку фортуны и судьбы твоей, поставившей тебя совсѣмъ не въ свое мѣсто. — Я соглашаюсь удовлетворить ваше желаніе открытіемъ горестной судьбы моей, хотя сіе и растерзаетъ мою душу, но любовь, которую я къ вамъ со всею преданностію питаю, съ моею вѣчною признательностію за всѣ ваши ко мнѣ милости, отвѣчалъ Ахиллесъ, обязываетъ меня, ни малѣйшаго произшествія въ моей жизни не утаивъ, сдѣлать васъ и всѣхъ здѣсь присутствующихъ повѣренными моей тайны. — И такъ слушайте и послѣ судите, достоинъ ли я буду вашего сожалѣнія, или презрѣнія?

Въ одномъ многолюдномъ городѣ, сосѣдственномъ съ Польшею, жилъ знаменитый и богатый бояринъ Исидоръ, у коего были два взрослыхъ сына —

Ѳеодоръ и Ахиллесъ т. е. я, вамъ преданный нынѣ оруженосецъ, сказалъ разскащикъ. — Братъ мой, не взирая на многіе недостатки въ наружныхъ достоинствахъ, въ которыхъ ему природа отказала, имѣль самый жестокій и мстительный характеръ, но былъ болѣе меня любимъ отцемъ нашимъ.

Достигнувъ юношескихъ лѣтъ, я искалъ славы въ военныхъ подвигахъ. — Благодѣтельная природа, надѣливъ меня мужественнымъ характеромъ, снабдила вмѣстѣ съ нимъ и исполинскою силою, самымъ нѣжнымъ и чувствительнымъ сердцемъ.

Никто изъ храбрѣйшихъ юношей и витязей нашего города, въ рыцарскихъ играхъ и поединкахъ, не дерзалъ вступать со мною въ бой — и я всегда оставался побѣдителемъ.

Во многихъ нападеніяхъ поляковъ на нашу область, я путеводительствовалъ наше воинство къ побѣдамъ, и возвращался, съ сихъ кровопролитыхъ битвъ, съ тріумфами и богатою отъ непріятелей добычею.

Весь городъ обратилъ на меня свои взоры, — и далъ мнѣ наименованіе новаго Ахилла, споборника древняго, сражающагося подъ стѣнами разоренной великолѣпной Трои, по 10 лѣтнемъ облежаніи оной греками, за красоту и похищеніе Елены, царевичемъ Троянскимъ; — что родило зависть и ужасное мщеніе въ душѣ моего брата, вездѣ принимаемаго съ холодностью и презрѣніемъ.

Въ сосѣдствѣ съ нами былъ домъ самобѣднѣйшаго, но знатнаго своею породою и подвигами престарѣлаго воина

Мечеслава, у котораго только была одна дочь Людмилла 16 лѣтняя, прелестная какъ лучъ весенней Авроры. — Увидѣвъ ее, я плѣнился ея красотою, и нашелъ случай познакомиться съ ея родителями и съ нею вовсе нечаяннымъ образомъ.

Въ одинъ день, проходя мимо дома Мечеслава, я услышалъ въ немъ пронзительный вопль и стенанія. — Желая узнать тому причину, я вошелъ на дворъ и потомъ въ сѣни, гдѣ увидѣлъ самое плачевное позорище.

Мать Людмиллы, упавшая съ лѣстницы чердака нечаяннымъ образомъ, лежала съ раздробленною головою на полу, облитая вся своею кровію, вмѣстѣ съ Людмиллою, лишившеюся отъ ужаса чувствъ своихъ.

Видя, что отчаяніе Мечеслава не поз-

воляло ему дѣлать какихъ либо пособій своей супругѣ, ни дочери, я внесъ ихъ обѣихъ въ комнату и положивъ на разныя кровати, бросился изъ ихъ дома опрометью, и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился туда съ искусснымъ врачемъ, близъ нихъ живущимъ.

Осмотрѣвъ злополучную мать Людмиллы, врачъ пожалъ горестно плечами и шепнулъ мнѣ на ухо, что она, чрезъ нѣсколько минутъ, переселится въ вѣчность, ибо отъ паденія ея черепъ и мозгъ головы жестоко повреждены. — Но Людмиллѣ въ скоромъ времени возвратилъ чувства, чтобъ оплакивать кончину ея нѣжной матери, исполнившейся по предсказанію врача.

Зная, въ сколь бѣдственномъ положеніи находилось сіе семейство, я, на собственный свой коштъ, сдѣлалъ от-

личное погребеніе несчастной матери Людмиллы, — и подъ предлогомъ займа, ссудилъ ихъ порядочною суммою, для ихъ содержанія.

Частыя мои посѣщенія отца и дочери умершей, и откровенное мое съ ними обращеніе, непримѣтнымъ образомъ родило во мнѣ и Людмиллѣ самую пламенную страсть, которую я желалъ увѣнчать съ ней бракомъ, и получилъ уже на оное отъ нея самой и ея отца согласіе.

Жестокій и непримиримый врагъ мой Ѳеодоръ, увидѣвъ Людмиллу, пораженъ былъ ея красотою, и узнавъ чрезъ своихъ шпіоновъ о любви моей къ Людмиллѣ, и о томъ, что я намѣренъ на ней жениться, представилъ отцу моему, въ самыхъ черныхъ видахъ, мое съ Людмиллою поведеніе, и тѣ ужасныя

издержки изъ отцовскаго капитала, который я, похищая, употребляю на содержаніе своей любовницы. — Этого мало, онъ даже не постыдился оболгать меня предъ отцемъ въ самомъ ужасномъ намѣреніи, что я хочу его отравивъ ядомъ, воспользоваться его богатствомъ, для составленія себѣ счастія съ моею любовницею; на каковый предметъ представилъ даже коварныхъ свидѣтелей изъ своихъ друзей, столь же безчеловѣчныхъ и низкихъ въ чувствахъ, каковъ былъ самъ.

Отецъ мой, имѣвшій неукротимый и мстительный характеръ, не дознавъ истины, законнымъ порядкомъ лишилъ меня наслѣдства, предоставивъ все свое богатство моему брату, — и выгналъ меня изъ своего дома.

Весь городъ былъ жестоко огорченъ несправедливостію моего отца — и всѣ

жители наперерывъ старались оказать мнѣ свои услуги и вспоможенія, коими я могъ жить въ довольно избыточномъ состояніи съ прелестною Людмиллою, съ которою и день для нашего бракосочетанія уже былъ нами назначенъ.

Ѳеодоръ, завидуя моему счастію, и будучи еще недоволенъ, что лишилъ меня родительской любви, изгналъ изъ его дома и похитилъ принадлежащую мнѣ часть наслѣдства, умыслилъ адскій планъ для вѣчной моей съ Людмиллою разлуки.

Питая въ злодѣйской душѣ своей скотскую страсть къ моей невѣстѣ, въ отсутствіе мое, подъ предлогомъ самаго меня, выманилъ ее изъ ея дома, схватилъ въ свои объятія, ускакалъ на конѣ съ Людмиллою въ загородный лѣсъ, — лишилъ ее единственнаго бла-

га.... И чтобъ скрыть свое злодѣйство, вонзилъ въ грудь ея кинжалъ!... и совершивъ сіе ужасное преступленіе — сѣлъ на коня своего и скрылся.

Всѣ слушающіе исторію Ахиллеса (*съ ужасомъ*), воскликнули: чудовище!

Ахиллесъ (*отирая слезы*). Истинно чудовище, изрыгнутое изъ челюстей ада!... Но я скорѣе окончу мою повѣсть, чтобъ ужасъ, разливающійся съ хладомъ смерти по всѣмъ моимъ жиламъ, не лишилъ васъ удовольствія услышать конецъ плачевной моей исторіи.

Возвратясь въ домъ отца Людмиллы, я почувствовалъ страшный трепетъ въ душѣ моей, когда услышалъ отчаянный вопль Мечеслава, который мнѣ сказалъ, что неизвѣстно кѣмъ похищенная дочь его, пошедшая часа три тому

назадъ изъ дома, болѣе уже въ оный не возвращалась.

Оглушенный симъ извѣстіемъ, какъ ударомъ грома, я стоялъ неподвиженъ на томъ мѣстѣ, устремивъ отчаянный взоръ на Мечеслава, испуганнаго моимъ положеніемъ. — Варваръ! чудовище! вскричалъ я въ ужасномъ оцѣпененіи.... Трепещи!... этотъ мечъ въ рукѣ моей откроетъ дорогу къ твоему звѣрскому сердцу!... Я знаю, кто похититель моей Людмиллы и непримиримый врагъ мой!... Трепещи! близокъ конецъ твоей злобы и ненависти!...

Окончивъ сіи слова, и не слушая увѣщаній Мечеслава, я выбѣжалъ изъ комнаты, сѣлъ на моего коня и поскакалъ что есть духу.

На дорогѣ мнѣ встрѣтился одинъ изъ моихъ друзей и извѣстилъ, что онъ

видѣлъ Ѳеодора, скакавшаго за городъ съ какою-то дѣвицею, испускающею болѣзненные вопли, чему онъ не могъ воспрепятствовать по причинѣ той, что онъ былъ въ то время пѣшій.

Сего довольно было для узнанія моего похитителя и врага. Конь мой, побуждаемый мною къ скорѣйшему бѣгу, летѣлъ стрѣлою по долинѣ, раздѣляющей городъ отъ лѣса, въ который, какъ полагалъ я, злодѣй увлекъ свою добычу, въ чемъ и не обманулся.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ лѣсъ, я, среди частыхъ кустарниковъ, услышалъ умирающія стенанія человѣка; сердце мое облилось кровію, душа готова была излетѣть изъ моего тѣла — я приблизился къ тому мѣсту — и увы! увидѣлъ милую мою Людмиллу, лежащую на землѣ, съ вонзеннымъ въ грудь

ея кинжаломъ. — Кровь струилась изъ ея глубокой раны, — но она, не взирая на осѣняющую ее уже смерть, меня узнала — протянула ко мнѣ трепещущія свои руки, — и произнеся едва понятнымъ голосомъ; Ахиллесъ!... я умираю.... твой братъ мой убійца.... не мсти ему.... и не губи самого себя.... Береги жизнь свою для моего отца.... горестнаго страдальца!... прости на вѣки!...

Съ симъ послѣднимъ словомъ душа ея вознеслась на небо, а я, упавъ на бездыханный трупъ злополучной моей Людмиллы, въ страшномъ отчаяніи цѣловалъ ея рану.... Какъ въ тоже время многочисленный отрядъ градской стражи, предводительствуемый злобнымъ моимъ братомъ, накрылъ меня въ семъ положеніи.

Схватите сего убійцу несчастной —

и влеките его въ оковахъ въ темницу, гдѣ онъ получитъ достойное воздаяніе за свое преступленіе! — сказалъ братъ мой.

Сей голосъ убійцы Людмиллы и моего врага воззвалъ меня вновь къ жизни. — Кровь закипѣла во всѣхъ моихъ жилахъ. — Я вскочилъ на ноги, обнажилъ свой мечъ и приближась къ злодѣю, вскричалъ: — убійца! изчадіе ада! пріими самъ прежде достойную казнь за смерть этой несчастной и пагубу твоего брата!... Стража бросилась схватить меня, и я увлеченъ былъ въ городъ, обремененъ оковами, — и посаженъ въ темницу.

Отецъ Людмиллы, узнавъ о смерти ея и постигшемъ меня заключеніи, лишился жизни отъ удара. — А мой, мстя мнѣ за своего любимаго сына, мною жестоко раненаго, исходатайство-

валъ, своею силою и богатствомъ, мнѣ смертный приговоръ, долженствующій чрезъ два дня совершиться.

Друзья мои, коихъ число было не мало, узнавъ о несправедливости судей, моего отца и злодѣяніяхъ Ѳеодора, заставили оный перемѣнить, не только еще на вящшее и продолжительное мученіе, для заключенія меня вѣчно въ стѣнахъ замка преступниковъ.

Добрые эти люди, не довольствуясь уже оказаннымъ ими мнѣ одолженіемъ, вторично просили отмѣнить этотъ приговоръ, но не успѣвъ въ ономъ, ночью доставили мнѣ случай бѣжать изъ тюрьмы, выпроводили за городъ, снабдили деньгами и съѣстными припасами, и съ пролитіемъ слезъ, пожелавъ мнѣ счастливаго пути, заставили удалиться изъ моего отечества, гдѣ ожидала меня неминуемая погибель.

Странствуя изъ мѣста одного въ другое, я какъ преступникъ, носящій въ душѣ моей отчаяніе, наконецъ прибылъ въ сей городъ, — и восхищенный славою о великодушіи Андрея Сильнаго, явился къ нему въ сей домъ, былъ имъ благосклонно принятъ, и снискавъ его довѣренность и любовь, былъ приставленъ къ юному Михаилу, — и съ той минуты и по сіе время, облагодѣтельствованный его милостями, живу здѣсь покойно, если только можно выразиться этимъ словомъ человѣку, убитому горестію, отчаяніемъ и вѣчною разлукою съ той, которая, до послѣдняго моего въ сей жизни вздоха, будетъ обитать въ душѣ моей и сердцѣ, разстерзанныхъ ея утратою.

Симъ окончилъ Ахиллесъ плачевную исторію своей жизни, погрузился въ мрачное размышленіе, — и заставилъ нашихъ друзей, проливающихъ слезы,

утѣшить страдальца сего, не внимавшаго ихъ словъ — и сидѣвшаго въ какомъ то мертвомъ оцѣпенѣніи, — какъ въ самую эту минуту, раздался на дворѣ и во внутреннихъ покояхъ пронзительный крикъ людей. Пожаръ! пожаръ! Спасайтесь!...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

МИХАИЛЪ НОВОГОРОДСКІЙ,

ИЛИ

НАРУШЕННАЯ КЛЯТВА.

РОССІЙСКО-ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ 3-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. Зряхова.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

МОСКВА.

Типографія Т. Рисъ, у Яузской части, д. Медынцевой.

1874.

Дозволено цензурой. Москва, 31-го января 1874 г.

Пожаръ!.... воскликнули всѣ съ ужасомъ, вскочивъ съ мѣстъ своихъ, — и выбѣжали за Михаиломъ на дворъ.

Домъ Новославскаго, во многихъ мѣстахъ подозженный, безъ сомнѣнія его врагами, во многихъ мѣстахъ уже выбрасывалъ яркое пламя, но многочисленное число Михаиловыхъ служителей, съ подоспѣвшими гражданами города, вскорѣ затушили пожаръ, могущій быть гибельнымъ для нашихъ друзей и всѣхъ ихъ слугъ, еслибъ въ это время они предавались покою, ибо была глухая полночь, когда Ахиллесъ кончилъ свою плачевную исторію.

Вотъ новое злодѣяніе нашихъ враговъ! сказалъ Михаилъ, когда они всѣ,

по утушеніи пожара, возвратились въ прежнюю комнату. — Не довольно того, что отецъ мой ими погубленъ, и мы едва не подверглись отъ рукъ убійцъ, смерти, но еще въ дополненіе своего звѣрства, они готовили намъ мученическую смерть и страданія, среди всепожирающаго пламени. — Петръ! — присовокупилъ Михаиль своему дядькѣ и смотрителю за своимъ домомъ, въ сей ночи не забудь употреблять дѣятельныхъ мѣръ въ предосторожности отъ подобныхъ произшествій. Хотя мнѣ очень жаль обременить людей моихъ новою для нихъ должностію, но гибельное теперешнее происшествіе вынуждаетъ меня къ необходимости, чтобъ по три человѣка изъ нихъ, перемѣняющіеся другими, четыре раза въ ночное время, въ свою очередь, почаще обхаживали кругомъ нашъ домъ, оберегая симъ средствомъ всѣхъ насъ отъ новой опасности. — А ты съ Ахилле-

сомъ попеременно, долженъ за ними надзирать, дабы неослабно исполнились сіи мои приказанія.

Такое твое благоразумное распоряженіе давно бы должно быть приведено въ дѣйствіе, сказала Клавдина, своему сыну, — и тогда вѣрно бы мы не подверглись сей ночи опасности. — Да, кабы я могъ это предвидѣтъ, отвѣчалъ Михаилъ, то бы не только сей опасности, но еще и гораздо сего плачевнѣйшаго съ нами происшествія, вѣрно бы не случилось. — Всему есть предѣлъ, назначенный перстомъ Всевышняго, прибавилъ Стефаній, который далъ волю человѣку идти путемъ добрымъ и злымъ. — Но я полагаю, продолжалъ онъ, весьма нужнымъ, чтобъ Михаилъ наступающаго утра, если не самъ явился въ народное собраніе, для объясненія новой, минувшей счастливо, опасности, то послалъ бы кого поумнѣе изъ своихъ служителей, съ донесеніемъ о

семъ къ посадницѣ и начальникамъ концовъ города. — Коли я самъ туда пойду, то горячность моя выведетъ меня изъ терпѣнія, сказалъ Михаилъ, и я формально предъ гражданами стану уличать во всѣхъ сихъ злодѣяніяхъ Марфу и ея сообщниковъ, и коли граждане отвергнуть мои справедливыя жалобы и представленія, тогда формально откажусь, на предбудущее время, служитъ моему отечеству, оставлю неблагодарныхъ ихъ судьбѣ, которою, какъ и умами ихъ, движетъ и располагаетъ по своему произволу сія коварная жена, оставлю городъ и — присоединясь къ правой сторонѣ Іоанна, Московскаго Князя, стану въ числѣ его легіоновъ служить и дѣйствовать противъ слабоумныхъ гражданъ сего города. — Ты вооружишь тогда противъ себя не только враговъ своихъ, которые тогда найдутъ неоспоримыя права продолжать свое мщеніе, возразилъ Стефаній. — Это

есть сущая истина, произнесенная устами нашего друга, сказала Клавдина, своему сыну; да и какъ могла такая мысль придти тебѣ въ голову? Сему причиною нестерпимыя злодѣянія нашихъ враговъ, ищущихъ нашей погибели, отвѣчалъ Михаилъ, покраснѣвшій отъ упрековъ своей матери. — Однакожъ румянецъ ланитъ твоихъ доказываетъ мнѣ, что сынъ мой не вовсе правъ въ своихъ намѣреніяхъ, возразила Клавдина. — Можетъ быть, отвѣчалъ кротко Михаилъ, и нѣжно цѣловалъ руку у своей матери. — Ну, такъ я завтра же пошлю, исполнить совѣтъ Стефанія, вѣрнаго моего Ахиллеса, который ничего въ свѣтѣ не боится, продолжалъ Михаилъ, смотря во всѣ стороны — и не видя своего оруженосца. — Да гдѣжъ мой Ахиллесъ? спросилъ онъ у предстоящихъ своихъ служителей.

Здѣсь, вскричалъ оруженосецъ за дверьми, и взошелъ въ комнату запы-

хавшись. — Гдѣ ты это скитался, добрый мой Ахиллесъ? спросилъ у него Михаилъ. — Я обѣгалъ всѣ закоулки и переулки, примыкающіе къ нашему дому, отвѣчалъ первый, въ надеждѣ, гдѣ нибудь открыть зажигателей, но эти хитрыя твари почли благоразуміемъ направить свои лыжи, а то бы, клянусь всѣмъ, что есть свято, заставилъ бы ихъ плясать подъ мою музыку, такай танецъ, котораго они и въ жизнь свою себѣ не воображали. — Да и можно ли было надѣяться въ исполненіи твоихъ намѣреній, сказалъ съ улыбкою Михаилъ, когда ты не могъ ихъ во мракѣ ночномъ различить? — Дѣло другое, еслибъ на злодѣйскомъ челѣ ихъ было означено пламенными буквами, кто они именно, тогда бы легко могъ ихъ разпознать, а то они, можетъ быть, тебѣ многократно встрѣчались, и внутренно смѣялись надъ твоими розысками, кои только тебя бѣдняжку попустому изму-

чили; но за всѣмъ тѣмъ я обязанъ тебѣ признательностію за сію благоразумную предосторожность, и, чтобъ чѣмъ нибудь тебя возблагодарить, не смѣю тебѣ предлагать никакой награды, кромѣ моей вѣчной къ тебѣ дружбы, которую ты не только заслужилъ своею ко мнѣ приверженностію и любовью, но и своею породою и злоключеніями, которыя бубу стараться облегчить взаимностію моихъ чувствованій; и потому, чтобъ заключить сей священный союзъ, при моей родительницѣ, Стефаніи, моей обрученной невѣстѣ и всѣхъ сихъ служителяхъ, выпьемъ круговую чару зелена вина и будемъ отнынѣ жить съ тобою братьями.

Сказавъ сіе, Михаилъ заключилъ въ свои объятія проливающаго отъ восхищенія слезы Ахиллеса, посадилъ его подлѣ себя — и дружескій пиръ, составленный подъ мирнымъ кровомъ Михаила, распространился даже и на всѣхъ

его служителей, которые, также за круговою чашею вина, благословляя своего господина, испускали радостные крики, потрясающіе стѣны ближней комнаты, гдѣ они за изобильнымъ столомъ пировали.

Какъ пріятно, какъ мило смотрѣть на подобную картину столько счастливыхъ людей, обязанныхъ симъ одному человѣку!

Уже румяная рука Авроры отверзла врата востока сіяющему Фебу, когда наши друзья и ихъ подданные, предались покою. — Одинъ только Ахиллесъ, обошедшій кругомъ домъ и смѣнявшій съ часовъ караульныхъ, сидѣлъ въ грустной задумчивости, подъ густымъ вязомъ, растущимъ въ отдаленномъ мѣстѣ широкаго двора Михаилова дома — и обративъ глаза свои, наполненные слезами, къ небу, умолялъ его, скорѣе сократить его горестную жизнь.

Внезапный стукъ у воротъ дома сего, пробудилъ Ахиллеса отъ мертвой почти безчувственности, и онъ вскочивъ съ мѣста, на которомъ сидѣлъ, подошелъ къ привратнику и приказалъ ему отворить ворота, чтобъ узнать, кто такой, въ столь ранніе часы, нарушаетъ спокойствіе его обитателей.

Привратникъ отсунулъ запоры и отворивъ калитку, къ нечаянному своему удивленію увидѣлъ, съ покрытою головою покрываломъ женщину, которая спросила у него, этотъ ли домъ Михаила Новогородскаго? — Да, отвѣчалъ привратникъ. — Не у него ли служитъ Ахиллесъ, собою статный, посредственныхъ лѣтъ мужчина, съ прекрасною наружностію, — повторила свой вопросъ незнакомка? — А на что тебѣ о семъ надобно знать? сдѣлалъ ей вопросъ съ своей стороны Ахиллесъ, тутъ же бывшій, котораго голосъ незнакомки

проникъ въ его сердце и потрясъ его душу? — Мнѣ нужно его видѣть и поговорить съ нимъ объ одномъ весьма важномъ дѣлѣ, отвѣчала незнакомка,— скажите пожалуйста, могу ли я ласкаться этимъ счастіемъ? — Очень легко, сказалъ Ахиллесъ. — Это я самый, что тебѣ угодно? — Ты Ахиллесъ! воскликнула съ радостію незнакомка, снявъ съ себя покрывало, — и Ахиллесъ съ трепетнымъ ужасомъ отступивъ назадъ, воскликнулъ въ удивленіи: Людмилла!... Нѣтъ, отвѣчала покраснѣвъ въ лицѣ незнакомка, — сходство лица моего съ покойною моею сестрою обмануло глаза твои. — Я родная сестра несчастной Людмиллы, твоимъ жестокимъ братомъ умерщвленной! Но здѣсь не у мѣста такое объясненіе, — продолжала она, — нѣтъ ли комнаты, гдѣ бы я могла отдохнуть отъ дальнаго пути, и подробно разсказать тебѣ все, чего ты еще не знаешь?—И Ахиллесъ, съ восхищеніемъ

взявъ за руку столь драгоцѣнную страннцу, привелъ ее въ свою уединенную комнату, бывшую окнами въ садъ и предложилъ ей сѣсть и успокоиться, смотрѣлъ на нее такими глазами, въ которыхъ изображались радость, удивленіе и ужасъ, отъ воспоминанія той, которая на вѣки съ нимъ разлучена столь гибельною ея кончиною.

Я сама въ себѣ ощущаю тѣ же дѣйствія, какія усматриваю изъ твоихъ взоровъ, — сказала прелестная незнакомка, но ты перестанешь удивляться, когда я тебѣ напомню, что я тебя видѣла одинъ только разъ въ жизни, въ той священной обители, куда я, по собственному моему желанію, удалилась и хотѣла посвятить себя Богу, ибо крайняя бѣдность моихъ и Людмиллы родителей, не могла сулить ни ей, ни мнѣ счастливой будущности, въ этомъ коловрат-

номъ мірѣ. — Ты былъ съ моею сестрою въ нашемъ монастырѣ, подъ предлогомъ ея будто бы богомолья, однакожъ соединено было съ ея желаніемъ показать мнѣ тебя и увѣдомить меня объ ожидающемъ ее блаженствѣ въ бракѣ, назначенномъ съ тобою. — Увы! сколь завидна мнѣ показалась участь сестры моей, когда я тебя увидѣла во всей красотѣ и юности лѣтъ твоихъ! продолжала Плѣнира (*такъ звали сестру Людмиллы*), краснѣя въ лицѣ и потупивъ свои прелестные глаза въ землю.

Ахиллесъ, взирая на оную красавицу, которая показалась ему гораздо моложе его Людмиллы, томно вздохнулъ изъ глубины своего сердца, и сей вздохъ не могъ укрыться отъ Плѣниры, еще болѣе отъ того смутившейся, — которая стараясь принять на себя спокойный видъ, по нѣкоторомъ молчаніи продолжала:

Въ то время, когда Людмилла занималась со мною тихо разговоромъ, ты, почитая, можетъ быть, меня, совершенно стороннею, мало обращалъ на меня вниманія, какъ на отшельницу, посвятившую уже себя уединенной жизни въ стѣнахъ монастыря. Лице мое закрыто было въ это время чернымъ флеромъ, и ты не могъ различить моего сходства съ сестрою, которую я просила, не открывать тебѣ сей тайны.

Къ ужасу моему, я вскорѣ извѣстилась о плачевной смерти сестры моей и отца и о твоемъ плачевномъ положеніи и произнесенномъ надъ тобою смертномъ приговорѣ, несправедливостію твоихъ судей и искательствомъ твоего жестокаго отца.

Вѣсть поразила мою душу. — Оплакивая безвременную и ужасную кончину сестры моей, отца и твою участь, и возненавидя свѣтъ и людей, я при-

няла рѣшительное намѣреніе, надѣть на себя одежду инокини и болѣе уже никогда не возвращаться въ сообщество людей, коихъ почитала столь же опасными и безчеловѣчными, какъ твой отецъ и братъ, совершившій столь ужасное преступленіе.

Уже искусъ мой приближался къ концу, и я должна была произнести священную клятву, разлучающую меня на всегда со свѣтомъ, какъ жестокій братъ твой, не знаю какимъ случаемъ, провѣдавъ мое въ монастырѣ пребываніе, значительною суммою денегъ заставилъ изгнать меня изъ стѣнъ монастыря.

Проклятое золото ослѣпило глаза начальницы обители, которая меня всегда нѣжно любила, и которая, по обязанности своей, должна была уже пренебрегать сокровищами свѣтскими, и мыслить только о духовныхъ, готови-

мыхъ нашимъ Творцомъ, шедшимъ по стезямъ, Имъ намъ предписаннымъ, содѣлали ее столь жестокою и безчеловѣчною, что она, изгнавъ изъ обители безпріютную сироту, лишила меня ожидаемаго блаженства въ небесахъ, еслибъ я произнесла обѣтъ мой, и даже симъ средствомъ заставила меня скитаться по бѣлу свѣту, не зная куда преклонить главу мою.

Прибывъ въ нашъ городъ, я узнала чрезъ друзей твоихъ и знакомыхъ покойнаго моего отца, что ты, счастливо избѣгнувъ готовимой тебѣ плачевной участи, тайно оставилъ свое отечество, и неизвѣстно, гдѣ обрѣтаешься.

Сія радостная вѣсть влила въ мою душу сладостную надежду нѣкогда тебя увидѣть, и подъ твоею защитою и покровомъ проведя краткое время, вступить, гдѣ тебя обрѣту, опять въ

монастырь, чтобъ въ семъ священномъ убѣжищѣ провести остатокъ моей жизни.

Я обошла всю Польшу, въ одеждѣ пилигрима, и часть Россіи, снабженная твоими друзьями нѣкоторою суммою на мое, въ семъ опасномъ пути, содержаніе, но нигдѣ не могла открыть слѣдовъ твоихъ.

Три года я провела въ семъ горестномъ сранствованіи, и прибывъ въ сей городъ, хотѣла уже явиться къ начальницѣ здѣшняго монастыря — и просить ее о принятіи меня въ оный, какъ въ сію ночь происшедшій въ домѣ вашемъ пожаръ, открылъ мнѣ, вовсе неожидаемымъ случаемъ, твое здѣсь пребываніе.

Между стекшагося со всѣхъ сторонъ народа тушить пожаръ, въ числѣ нѣсколькихъ женщинъ и хозяйки дома,

гдѣ я квартировала, пришла и я сюда на мѣсто этого позорища. Увидѣвъ молодаго-прекраснаго человѣка, сопровождаемаго тобою, который поощрялъ народъ употреблять свои усилія, тушить пламень, обнимающій отвсюду домъ сей. — При яркомъ свѣтѣ огня, я никакъ не могла распознать черты твоего лица, столь отъ горести измѣнившіяся, но усмотрѣвъ изъ дѣйствій твоихъ и того юноши, необычайную силу вашу и неустрашимость, когда вы вдвоемъ бросились въ пламень, обрушили большую часть забора горящаго, отъ коего начала уже заниматься огнемъ главная часть сего дома, — я съ ужасомъ о вашей неминуемой погибели отъ такого опаснаго предпріятія, спросила у моей хозяйки, кто сіи два неустрашимыхъ человѣка? — Отвѣтствовала она мнѣ: тотъ, который гораздо помоложе, есть владѣлецъ этого дома Михаилъ

Новославскій, самый добродѣтельный и храбрѣйшій изъ гражданъ Новогородскихъ, а второй его оруженосецъ Ахиллесъ.

Услышавъ столь драгоцѣнное для меня имя, я вскрикнула громко отъ удивленія: Боже милосердый! это онъ!—и симъ восклицаніемъ заставила многихъ обратить на себя любопытные взоры.

По утушеніи пожара, я съ хозяйкою возвратилась на мою квартиру — и не могла уже сомкнуть глазъ моихъ отъ различныхъ чувствъ, волновавшихъ мою душу,—и какъ скоро стало разсвѣтать, пошла сюда.

По приходѣ къ воротамъ этого дома, невольный трепетъ объялъ меня отъ воображенія, если я ошибусь въ моихъ надеждахъ и вмѣсто тебя обрѣту другаго Ахиллеса, заставилъ нѣсколько минутъ пребыть въ размышленіи и

страхѣ; наконецъ я постучалась, услышала твой голосъ, повелѣвающій привратнику отворить ворота, — трепетною стопою взошла на сей дворъ, и все еще не вѣря своимъ глазамъ и слуху, обратилась съ моими вопросами къ привратнику, изподтишка тебя разсматривая съ ужасомъ горести, изображающейся на твоемъ лицѣ и взорахъ — и тогда уже не могла ошибиться, что я обрѣла, по неисповѣдимымъ судьбамъ молосердаго Бога, того, котораго столь долгое время тщетно искала.

Милая, добрая Плѣнира! воскликнулъ восхищенный Ахиллъ, цѣлуя ея руку.— Какое счастіе, какое невоображенное блаженство и радость ниспослалъ мнѣ Отецъ Небесный, въ твоемъ сюда прибытіи! — Теперь мы уже болѣе никогда не разлучимся съ тобою, и, подъ симъ мирнымъ кровомъ моего благодѣтеля, будемъ жить какъ братъ

съ сестрою въ вѣчной дружбѣ и согласіи, наслаждаясь по возможности тѣмъ счастіемъ, которое намъ послалъ столь неожидаемо Творецъ вселенной.— Но, скажи мнѣ, сдѣлай милость, прекрасная сестра! какъ поживаетъ мой жестокій отецъ и безчеловѣчный братъ?— (*Пльнира тихо вздохнувъ*), Сестра!... Какое сладостное и вмѣстѣ горестное наименованіе и воспоминаніе о столь злополучной разлукѣ и любви!... (*задумывается, вздыхаетъ и отираетъ свои слезы, брызнувшія изъ глазъ ея*). Ахиллесъ, растроганный горестнымъ положеніемъ милой прелести, взялъ ея трепещущую руку, прижалъ къ своему, сильно біющемуся сердцу и потомъ къ губамъ своимъ. —Милая, драгоцѣнная дѣвица! стою ли я тѣхъ страданій и трудовъ, которые ты для меня подъяла? — Плѣнира нѣжно взглянувъ на Ахиллеса, пристально и нѣжно также ей смотрѣвшаго въ глаза, вся вспыхнула пламе-

немъ, и сей яркій румянецъ щекъ, контрастирующій съ бѣлизною лица красавицы, черною одеждою оттѣненный, еще болѣе увеличилъ ея прелести, противъ которыхъ и небесноголубыхъ глазъ, съ какимъ-то очаровательнымъ и томнымъ любопытствомъ устремленныхъ на нашего героя, не могъ онъ воздержаться, чтобъ не воскликнуть въ восторгѣ удивленія: неподражаемая красота! кто изъ смертныхъ осмѣлится противиться твоему могуществу и силѣ, которою ты влечешь къ себѣ сердца?—И Плѣнира, отъ сихъ словъ Ахиллеса еще болѣе приведенная въ замѣшательство, отъ него отвернулась, чтобъ скрыть свои чувства, ясно обнаруживающія ея положеніе.

Въ это время друзья наши уже встали съ своихъ ложей, и Михаилъ крайнѣ удивлялся, что Ахиллесъ, всегда прежде всѣхъ къ нему являющійся

по утрамъ, не приходилъ въ это утро. — Петръ! сказалъ онъ своему дядькѣ, видѣлъ ли ты сегодня Ахиллеса? — Еще нѣтъ, отвѣчалъ послѣдній. — Что бъ это такое его задержало ко мнѣ придти? спросилъ Михаилъ у Петра. Ну, такъ пожалуйста, посмотри, гдѣ онъ, и позови его ко мнѣ. Мнѣ очень онъ нуженъ. — И Петръ, побѣжавъ въ комнату Алиллеса крайне удивился, услышавъ, что въ ней Ахиллесъ разговаривалъ съ какой-то женщиною, которая была никто иная, какъ Плѣнира, увѣдомляющая Ахиллеса, что братъ его Ѳеодоръ, упавъ съ лошади на всемъ скаку, раздробилъ себѣ голову, и въ мучительныхъ страданіяхъ кончая жизнь свою, еще все дышалъ злобою къ своему брату, коего онъ погубилъ, — и умолялъ отца своего, чтобъ онъ его убійцу никогда не признавалъ своимъ сыномъ, и получивъ клятву отъ Исидора испол-

нить его послѣднее, звѣрское желаніе, испустилъ злобный свой духъ, безъ сомнѣнія переселившійся въ тартаръ, какъ достойное жилище такого злодѣя.

Несчастный и преступный человѣкъ! воскликнулъ горестно добрый Ахиллесъ; — и отдалъ послѣднюю дань сожалѣнія своими слезами недостойному брату, его гонителю и убійцѣ несчастной Людмиллы.

По окончаніи сихъ словъ, Петръ вошедъ въ комнату, пораженъ былъ красотою Плѣниры — и съ крайнимъ удивленіемъ смотря на нее и на Ахиллеса, весело улыбающагося надъ положеніемъ старика, спросилъ, не за нимъ ли онъ присланъ? — Да, отвѣчалъ Петръ, пришедшій отъ сего вопроса въ себя. — Михаилъ желаетъ тебя немедленно видѣть, ибо имѣетъ крайнюю въ тебѣ нужду. — Скажи ему, добрый Петръ, что я сію же

минуту въ слѣдъ за тобою къ нему приду, и еще не одинъ, но съ моею подругою.

— Что, нашелъ ли ты Ахиллеса? — спросилъ, у вошедшаго въ комнату Петра, — Михаилъ. Нашелъ, отвѣчалъ первый, и еще не одного, а съ какою-то молодою женщиною, или дѣвицею, чрезвычайной красоты.

Михаилъ. (*съ удивленіемъ*). Петръ! Въ полномъ ли ты умѣ?

Петръ. Благодаря Бога! кажется, что еще не ряхнулся въ немъ.

Михаилъ (*смѣясь*). Ну такъ ты спишь и бредишь во снѣ!

Петръ. И того нѣтъ; ибо вы сами видите, что я не сплю, стою и говорю. — Да вотъ кажется и Ахиллесъ сюда изволитъ шествовать; этотъ скромный и печальный отшельникъ, который такъ хорошо умѣетъ притворяться и хранить тайну! — Но я поймалъ

этого гуся — и онъ больше ужъ меня не обманетъ!

Ахиллесъ, ведущій Плѣниру за руку, входитъ, — и всѣ съ крайнимъ удивленіемъ увѣрились въ словахъ Петра, когда увидѣли эту красавицу. — Ахиллесъ, подводя Плѣниру къ Клавдинѣ и Софіи, сидѣвшимъ рядомъ, съ улыбкою сказалъ: пріимите подъ вашъ покровъ и удостойте дружбою сію прекрасную дѣвицу, сестру несчастной моей Людмиллы, три года въ трудныхъ странствованіяхъ меня ищущую повсюду, и наконецъ достигшую цѣли своихъ желаній. — (*Всѣ съ удивленіемъ въ одинъ голосъ*) сестра Людмиллы? — Да, отвѣчалъ Ахиллесъ, истинный оригиналъ погибшей! — и Клавдина съ Софіею, попеременно обнимая Плѣниру, не могли налюбоваться прелестями сей достойной, новой героини, заключающей въ себѣ не одну разительную красоту

лица и стройности всего тѣла, но и превосходные таланты и добродѣтели.

Какое неожиданное счастіе для моего друга Ахиллеса! вскричалъ Михаихъ, его обнимая. — Теперь я надѣюсь, что уже не будешь столь печаленъ и плаксивъ какъ прежде, ибо сія достойная дѣвица, столь близкая къ твоему сердцу, безъ сомнѣнія заставитъ тебя позабыть минувшія злоключенія. — И Плѣнира, словами Михаила смѣшавшаяся и покраснѣвшая, не знала, какъ скрыть свое положеніе; но женщины весьма тонкія и ироницательныя въ подобныхъ случаяхъ, не смѣли въ туже минуту успокоить красавицу, и Клавдина съ Софіею, взявъ ее за руки, увели въ свою комнату.

Михаилъ и Ахиллесъ, смотря въ слѣдъ Плѣниры, хранили восхитительное молчаніе, пока она отъ взоровъ ихъ скрылась. — Истинно рѣдкая красота, среди женскаго пола! сказалъ

Михаилъ Ахиллесу. — Поздравляю тебя, другъ мой, съ обрѣтеніемъ этого сокровища. Сколь вамъ ни кажется пригожею Плѣнира, отвѣчалъ Ахиллесъ, но она въ красотѣ должна уступить прелестной Софіи. — Нѣтъ, лучш дѣлать такое сравненіе, что одна другой стоитъ, только разница въ томъ, что Софія годами пятью ея моложе; но вѣдь и то надо сказать, продолжалъ Михаилъ, что Софія всегда жила подъ кровомъ родительскимъ, и не испытала никакихъ горестей и страданій, как ретерпѣвала Плѣнира, кои столь мно не только уменьшаютъ красоту, но ке и сокращаютъ дни наши.

Посланный отъ Посадницы требуе ъ личнаго съ вами свиданія на единъ, сказалъ вошедшій Петръ Михаилу. — Пошли его сюда, молвилъ послѣдній, и посланный, позванный Петромъ, вошелъ въ комнату, и отдавъ должное почтеніе хозяину дома и Стефанію,

вручилъ Михаилу запечатанную грамоту, и просилъ на нѣсколько минутъ съ нимъ переговорить на единѣ.

Я не имѣю нужды въ этой уединеніи, возразилъ Михаилъ, и какія бы не были предложенія отъ Марфы, говори смѣло при сихъ двухъ моихъ друзьяхъ. — Я не смѣю этого сдѣлать, отвѣчалъ посланный, ибо мнѣ дано строгое повелѣніе отъ Посадницы, донести вамъ это глазъ на глазъ, ибо въ сихъ словахъ заключается тайна, которая другимъ, кромѣ тебя, не должна быть извѣстна. — Ты имѣешь отъ Марфы сіе повелѣніе, говорить со мною на единѣ; а я, какъ господинъ собственныхъ моихъ желаній и воли, не хочу этому повиноваться, возразилъ Михаилъ, — распечатывая грамоту Посадницы и прочтя ее про себя. — На, другъ мой, отнеси эту грамоту Посадницѣ, скажи ей отъ имени моего, что я въ полной мѣрѣ чувствую ея участіе,

принимаемое во мнѣ, моемъ семействѣ и семействѣ моихъ друзей, и въ томъ сожалѣніи, которое она изъявитъ о новомъ постигшемъ меня несчастіи, — сказалъ съ улыбкою Михаилъ, отдавая грамоту присланному Посадницею. — Она приказала вамъ напомнить о томъ клятвенномъ обѣщаніи, которое обязываетъ васъ его исполнить въ непродолжительномъ времени, и отъ коего зависитъ ваше, ея, извѣстной уже вамъ особы, счастіе, и благоденствіе всего отечества! возразилъ посланный. — Скажи отъ меня Марфѣ, что я никогда не соглашусь быть врагомъ и измѣнникомъ моего отечества, чтобъ исполнить ея коварные планы. Что я также навсегда отказываюсь имѣть съ нею и тою особою, какія либо сношенія, и притомъ безъ лестныхъ, суетныхъ и коварныхъ ея предложеній довольно уже счастливъ. — Что клятва, мною произнесенная, была ничто иное, какъ

испытаніе, чтобъ легче мнѣ было открыть глаза гражданамъ, обманутымъ ея хитростію — и готовимою имъ ею погибелью, — отвѣчалъ Михаилъ. — Теперь иди — и донеси о всемъ, что ты слышалъ изъ устъ моихъ Посадницѣ, — и еще ей отъ меня скажи, что если нужда потребуетъ мнѣ съ нею еще увидѣться, то уже не тайно, а предъ лицемъ всѣхъ гражданъ нашего города, которымъ и мнѣ она должна будетъ дать во всемъ строгій отчетъ. — Ступай! — (*посланный уходитъ*).

Прекрасный и умный твой отвѣтъ, доставляетъ мнѣ величайшее удовольствіе, изъявить тебѣ мою благодарность, сказалъ Стефаній Михаилу. — Пусть эта коварная и злобная жена узнаетъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло — и почувствуетъ всю свою ошибку, передавая свои хитрые замыслы, добродѣтельному и храброму гражданину, который согласится вѣрно лучше умереть достой-

нымъ сыномъ отечества, чѣмъ его измѣнникомъ и врагомъ. — Послѣднее очень справедливо, отвѣчалъ Михаилъ, и я уже теперь краснѣю самъ за себя, что былъ неосторожностію своею и легкомысліемъ завлеченъ въ хитрыя сѣти Посадницы и далъ клятву споспѣшествовать ея намѣреніямъ ко благу отечества, которое она, какъ теперь отъ тебя узналъ, влечетъ въ неминуемую пропасть погибели. — Вообрази, что она еще вздумала написать мнѣ въ своей грамотѣ, будто я никогда не былъ сыномъ Новославскимъ, и хитро обманутъ тобою въ семъ случаѣ и заманенъ въ коварные тенеты красотою Софіи, никогда не бывшей также твоею дочерью. — Что я сынъ великаго изъ смертныхъ — и долженъ занимать важное мѣсто, если выполню ея желанія и вступлю въ бракъ съ ея прекрасною дочерью, и тому подобныя нелѣпицы.— Низкихъ чувствъ женщина! возразилъ

Стефаній. — Можетъ ли до такой степени простираться безстыдство и клевета! не весь ли городъ знаетъ, что Софія моя и покойной Павліи единственная и законная дочь? какъ равно и то, что Клавдина супруга пронавшаго безъ вѣсти твоего отца, и что ты, Андреемъ взятый въ пеленахъ, имъ воспитанъ? Если она можетъ утвердить достовѣрностію, что ты не ихъ сынъ, а сынъ другихъ знаменитыхъ родителей, то пусть докажетъ какихъ именно — и какимъ случаемъ ты попалъ въ пеленахъ на берегъ рѣки Волхова и взятъ Андреемъ на воспитаніе? — Да я этому никогда и не повѣрю, ибо знаю, что это одна клевета злоковарной женщины, ищущей вновь заманить меня въ свои сѣти, чтобъ по ея предложенію быть посланникомъ у Короля Польши, гдѣ бы ей легче можно было меня погубить, чѣмъ здѣсь, — отвѣчалъ Михаилъ. — Такія подлости не доведутъ

до добра эту злую женщину, и она, искавъ нашей погибели и всего отечества, первая содѣлается жертвою своей низкости и коварства! — прибавилъ Стефаній. — Да, это такъ и должно случиться, сказалъ Михаилъ, ибо тотъ, кто роетъ на друга яму, самъ прежде въ нее падаетъ; вдолгѣ ли, короткѣ ли, но Марфа получитъ достойное наказаніе за всѣ ея злодѣянія, — и чтобъ доказать ей и всему городу, что я пренебрегаю ея предложеніями, и чту достоинства и добродѣтель твоей дочери, то позволь мнѣ завтрашній же день вступить съ нею въ бракъ, на что и родитель и Софія, безъ сомнѣнія будутъ согласны. — Съ величайшею радостію, отвѣчалъ Стефаній, если твои желанія сообразны съ чувствами твоей души и сердца. — Кажется ты и дочь твоя довольно уже испытали оныя, — и я не хочу медлить, для того, чтобъ новыя клеветы не могли помрачить сла-

вы будущей моей супруги. — Пусть вѣнецъ брачный, по предсказанію Марѳы, украситъ главу мою.

На другой день точно послѣдовалъ торжественный бракъ Михаила съ Софіею, при всеобщемъ стеченіи народа Новогородскаго, который, съ радостными кликами сопровождалъ сихъ новобрачныхъ до чертоговъ Михаила, гдѣ для всѣхъ гражданъ были приготовлены изобильные столы, разставленные не только въ комнатахъ его дома, но въ саду и на широкомъ дворѣ. — Круговыя чаши вина, пива и меда вливали радость и веселіе въ сердца народа, провозглашающаго за оными многолѣтія новобрачнымъ и ихъ родителямъ.

Все дышало восторгомъ и пиршество такое продолжалось нѣсколько дней сряду, среди счастія и невозмущаемаго спокойствія героевъ нашей повѣсти, угощающихъ съ милою ласкою и простосердечіемъ гостей своихъ, принося-

щихъ имъ благодарность и похвалу достоинствамъ новобрачной четы.

Время мчалось быстро на легкихъ своихъ крыльяхъ, и скучная осень наступила. — Вся природа облеклася въ печальную одежду — и казалась постепенно умирающею. — Древа обнажились отъ листьевъ пожелтѣлыхъ, кучами лежащихъ на землѣ и покрывающихъ ихъ коренья. — Поля и луга потеряли всю свою прелесть, вмѣсто яркой зелени и цвѣтовъ, одна пожелтѣлая трава кавыль и бурьянъ были ихъ растѣніями. — Птички отлетѣли изъ лѣсовъ и съ полей. — Одни враны, галки и вороны, съ пронзительными криками, замѣняли мѣста сладкогласныхъ хоровъ весеннихъ и лѣтнихъ жителей лѣсовъ и полей. — Сизые туманы, клубясь въ воздухѣ, заслоняли своею мрачностію лучи солнца, не могущаго проникнуть сквозь дымистую и густую ихъ пелену. — Дождь шумѣлъ,

вѣтры свистали — и хищные звѣри, ищущіе добычи для утоленія своего голода, страшно выли въ лѣсахъ.

Такое скучное время осени, друзья наши расположили, сопровождать разными занятіями въ кругу своего семейства. — Ахиллесъ, женившійся на Плѣнирѣ, вскорѣ послѣ Михаила, опять разцвѣлъ какъ юный дубъ, многократно сокрушаемый бурями. Сіи двѣ прекрасныя четы, жили въ взаимномъ согласіи, дружбѣ и счастіи. — Дни были посвящены рукодѣльямъ, каждому приличнымъ: а вечера чтенію, игрѣ на употребляемыхъ въ то время музыкальныхъ инструментахъ, въ коихъ преимущественно отличались Ахиллесъ и Плѣнира, родившіеся и взросшіе въ сосѣдствѣ съ Сарматами, въ то время уже довольно просвѣщенными. — Выдумываемыя каждымъ исторійки, сказочки и тому подобное, также не мало ихъ веселили, какъ и народныя игры

и пляски; въ собственности въ праздничные и воскресные дни, когда они, совершивъ теплыя моленія, возвращались домой съ толпою своихъ знакомыхъ, обыкновенно у нихъ обѣдающихъ и провождающихъ скучныя вечера осенніе весело въ нѣдрахъ сего добродѣтельнаго и гостепріимнаго семейства.

Нерѣдко также Михаилъ съ Ахиллесомъ, сопровождаемые вооруженными служителями, занимались птичною и звѣриною охотою, и возвращались всегда съ богатою добычею, которая доставляла имъ вкусный и питательный обѣдъ и ужинъ.

Наконецъ пушистые снѣга покрыли поля и лѣса своею бѣлою пеленою. Рѣки оковались льдистыми оковами. Борей, свирѣпые вращая всюду взоры, хладнымъ своимъ дыханіемъ воздымалъ мятели, крутящія снѣгъ столбами въ поляхъ, — и угрюмая зима, поставивъ

свой льдистый тронъ, сжимала своею ужасною рукою всѣ растенія, ею умерщвленныя. — Птицы прятались подъ застрехи домовъ, или въ дуплахъ деревъ; звѣри стаями бродили уныло по полямъ, а нерѣдко и по близости города, чтобъ утолить какою нибудь добычею свой голодъ. — Нерѣдко люди невооруженные, встрѣчающіеся имъ на пути, были жертвами ихъ лютости!

Михаилъ съ Ахиллесомъ и вооруженными охотниками, преслѣдовалъ весьма часто хищныхъ волковъ, даже въ самыхъ ихъ пристанищахъ — въ лѣсу, съ своими величайшими и обученными собаками, которыя много споспѣшествовали истребленію этихъ звѣрей, содѣлавшихся опасными не только для скота, но даже и людей, не смѣвшихъ выходить изъ домовъ своихъ безъ вооруженія.

Въ одно утро Михаилъ, бывшій на охотѣ въ лѣсу, встрѣченъ былъ ужас-

ной величины голоднымъ и лютымъ волкомъ, который, согнувъ свою спину дугою, сдѣлалъ высокій скачекъ, чтобъ вцѣпиться своими когтями и клыками въ нашего героя, но сей, во всякое время сохраняющій предосторожность, съ неустрашимостію вонзилъ короткое свое копье въ ребра этого звѣря, который, почувствуя ужасную боль отъ раны, ему нанесенной, съ страшнымъ воемъ обратился въ бѣгство, но сопровождавшимъ Михаила Алкадомъ — величайшею и разумнѣйшею меделянскою собакою, былъ преслѣдованъ въ его бѣгствѣ. Михаилъ также спѣшилъ въ слѣдъ за ними по кровавому пути, пролагаемому на снѣгу уязвленнымъ волкомъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось такое преслѣдованіе волка Михаиломъ, и онъ наконецъ увидѣлъ, что его Алкадъ, храбро сражаясь съ своимъ непріятелемъ, не могъ его одинъ побѣдить. — Онъ поспѣшилъ къ нему на помощь —

и лютый звѣрь, вновь имъ пораженный, издохъ подъ симъ ударомъ.

Чтобъ нѣсколько минутъ отдохнуть отъ усталости, Михаилъ присѣлъ на пень одного дерева, и смотря на убитаго звѣря, восхищался своею побѣдою, во ожиданіи, пока Ахиллесъ съ охотниками придетъ съ нимъ соединиться.

Внезапный лай и визгъ Алкада снова привлекъ вниманіе нашего героя, который, полагая еще приближеніе новаго звѣря, приготовился къ нападенію. — Обращая во всѣ стороны свои взоры и ничего не видя, Михаилъ опять сѣлъ на тотъ же пень; но Алкадъ не переставалъ визжать и скрести снѣгъ своими лапами, припадая головою своею къ землѣ.

Что бъ этотъ визгъ и поступокъ моего Алкада въ себѣ заключали, я никакъ понять не могу? — сказалъ самъ себѣ Михаилъ, взирая на свою собаку, продолжавшую тоже дѣлать. Тутъ что

нибудь да не даромъ, повторилъ самъ себѣ нашъ герой — и Алкадъ, вскочивъ, сталъ на заднія предъ своимъ господиномъ лапы, а переднія, положивъ ему на грудь, жалобно и тихо визжалъ, лизавъ у Михаила руки. — Что съ тобою сдѣлалось, мой добрый Алкадъ, уже не уязвленъ ли ты волкомъ? — сказалъ Михаилъ и осмотрѣлъ свою собаку, но она нигдѣ не была звѣремъ поражена. — Онъ гладилъ своею рукою Алкада, вынулъ изъ охотничей кисы кусокъ жаренаго мяса и бросилъ его ему, но Алкадъ, понюхавъ оный, не сталъ ѣсть — нюхая опять то мѣсто, гдѣ стоялъ, поворотилъ на лѣво и побѣжалъ по чутью своему въ густоту кустарника. — Михаилъ, смотря на это, послѣдовалъ туда жъ за Алкадомъ, и увидѣлъ его отгребающаго лапами снѣгъ отъ впадины, показавшейся нашему герою входомъ, или въ логовище звѣря, или ка-

кой нибудь опустѣлой землянки, гдѣ вѣрно жилъ прежде сторожъ лѣса. — Но разсматривая внимательнѣе эту впадину, онъ увидѣлъ часть желѣзной двери, засунутой запоромъ и запертой большимъ замкомъ.

Удивленіе Михаила съ минуты на минуту увеличивалось, когда его Алкадъ не переставалъ рыть снѣгъ, визжать жалобно и лаять. — Онъ сдѣлалъ выстрѣлъ изъ ружья, который былъ условнымъ сигналомъ для сбора охотниковъ въ то мѣсто, откуда онъ будетъ слышанъ, и Михаилъ вскорѣ увидѣлъ спѣшащаго къ нему Ахиллеса съ четырьмя охотниками, коимъ Михаилъ давалъ знакъ рукою, чтобъ они скорѣе шли.

Глубокіе снѣга, мятелями нанесенные въ лѣсу семъ, содѣлали ходъ для Ахиллеса и его сопровождающихъ затруднительнымъ, но прочіе, смотря на своего вожатаго Ахиллеса, слѣдовали за

нимъ, по поясъ обрушиваясь въ снѣгъ,— и наконецъ, выбившись изъ сугробовъ, въ нѣсколько минутъ съ Михаиломъ соединились.

Посмотри, что открылъ мой Алкадъ? сказалъ Михаилъ подошедшему къ нему Ахиллесу. — Съ удивленіемъ посмотрѣвъ на дверь, покачалъ головою,— и отвѣтствовалъ, что тутъ вѣрно есть какое нибудь подземное жилище или ходъ, соединяющійся съ городомъ или какимъ нибудь жилищемъ. — Я, тоже думаю, сказалъ Михаилъ, и притомъ по мѣстоположенію замѣчаю, что оно не такъ далеко отъ жилища бывшаго моихъ родителей въ семъ лѣсу, гдѣ злодѣи сдѣлали на насъ нападеніе въ ту ночь, когда я, Стефаніемъ туда приведенный, нашелъ мою мать. — И потому мнѣ весьма любопытно узнать, что въ семъ подземномъ убѣжищѣ, или ходѣ заключается.

Сего слова достаточно было для служителей его, которые, бросивъ на землю оружіе, бросились руками отрывать снѣгъ, и чрезъ нѣсколько минутъ, съ подоспѣвшими еще на помощь къ нимъ другими охотниками, показалась уже вся желѣзная дверь, засунутая двумя такими жъ запорами и висячими на нихъ двумя жъ огромными замками.

Тщетно друзья наши, оба имѣвшіе великую силу, старались сломить сіи замки, и страшно потресая этою дверью, услышали подземный гулъ, означающій пустоту, и потомъ отдаленное какое-то стенаніе. — Тутъ кто нибудь да есть изъ несчастныхъ! вскричалъ Михаилъ, ибо я очень могъ различить отъ гула подземнаго жалобные вопли человѣка!... Едва ли это можетъ быть, отвѣчалъ Ахиллесъ, болѣе потому, что, какъ самъ ты видишь, совсѣмъ здѣсь не видно слѣда человѣческаго; развѣ,— дѣло другое, — что еще гдѣ нибудь

ходъ въ это подземелье. — Да мудрено ли этотъ слѣдъ въ короткое время скрыть отъ любопытныхъ взоровъ, зимѣ нынѣшней, весьма изобильной снѣгами, сказалъ Михаилъ. — Видишь ли ты, что въ теченіи трехъ дней, которые мы просидѣли дома и не были въ этомъ лѣсу, такіе нанесло сугробы, что ты съ людьми моими, при всей своей неимовѣрной силѣ и проворности, едва могъ изъ нихъ выбиться и придти ко мнѣ. — А эту впадину, или входъ въ подземелье, долго ли надо мятелямъ наполнить снѣгомъ; притомъ замѣть и то, что снѣгъ, отрываемый нашими людьми, весьма былъ рыхлъ, а не сначала зимы сюда напавшій, и могущій превратиться въ ледъ отъ долгаго времени здѣсь лежащій. — Но чтобъ тутъ ни заключалось, — продолжалъ онъ, — а я хочу непремѣнно узнать и въ полной мѣрѣ удовлетворить мое любопытство. Иванъ! сказалъ онъ

одному изъ охотниковъ, парню проворному и мощному: возьми съ собою одного изъ людей и бѣги какъ можно скорѣе домой, и принеси отъ туда надежный ломъ и пилы. — Не говори тамъ ничего о сей находкѣ, и возвратись, сколь можешь, сюда поспѣшнѣе. — Въ нѣсколько прыжковъ обработаю туда и сюда путь, молвилъ Иванъ, и съ другимъ, подобно ему ловкимъ, молодымъ охотникомъ, въ минуту скрылся отъ всѣхъ взоровъ.

Михаилъ съ Ахиллесомъ, сидѣвшіе на коврѣ, который обыкновенно за нимъ носили поперемѣнно охотники, во время таковыхъ его занятій, а вокругъ ихъ и другіе, далъ всѣмъ по чаркѣ вина, и они изъ изобильнаго своего запаса завтракали подъ открытымъ небомъ, пренебрегая довольно чувствительнымъ морозомъ съ вѣтромъ, который ярко румянилъ ихъ лица.

Ну, ужъ да волчекъ, сказалъ Ахиллесъ Михаилу, котораго ты съ Алкадомъ уколотилъ! — Я крайне удивился такой величинѣ его, какой еще и съ роду моего не видывалъ въ этихъ звѣряхъ. — Это долженъ быть какой нибудь изъ нихъ выродокъ, или забѣжавшій изъ другихъ земель.

Между сихъ разговоровъ возвратился съ товарищемъ своимъ Иванъ, и принесъ нужные инструменты, для отворота помянутыхъ дверей. — Мнѣ кажется весьма продолжительнымъ распиливать эти замки, сказалъ Михаилъ, взявъ въ руки свой ломъ, — и мы съ тобою Ахиллесъ, вдвоемъ попытаемъ свою силу сорвать оныя.

Сіи два героя, засунувъ ломъ въ одинъ изъ замковъ съ чрезвычайной силою повернули онымъ, и замокъ, долго еще противившійся ихъ намѣреніямъ, наконецъ распался, другой также

подвергся подобной участи, — и отдвинутые запоры дверей сдѣлали имъ свободный ходъ въ подземелье.

Едва двери сіи ими разтворились, производя страшный скрипъ на ржавыхъ своихъ крючьяхъ, какъ зловонный и заразительный изъ подземелья запахъ, прямо поразившій ихъ обоняніе, заставилъ ихъ зажать себѣ носъ. — Въ ту самую минуту услышали они протяжное стенаніе человѣка, и потомъ бряцаніе оковъ, коихъ звуки постепенно къ нимъ приближались. — Но какой ихъ объялъ ужасъ и удивленіе, когда они увидѣли страдальца тамъ заключеннаго, въ самомъ раздранномъ рубищѣ и тяжкихъ оковахъ на рукахъ и ногахъ, ощупью идущаго около стѣны подземелья, и наконецъ у отверстія представшаго ихъ взорамъ.

— Кто ты несчастный узникъ? —

спросилъ у него съ трепетомъ Михаилъ.

Узникъ (*съ тяжкимъ вздохомъ*). Если вы враги Новославскихъ, то лишите скорѣй меня той тягостной и страдальческой жизни; если же ихъ друзья, то избавьте меня изъ сей юдоли мрака, плача и стенаній.

Михаилъ (*еще болѣе потрясаемый*). Мы не враги ихъ, а друзья. — Но скажи скорѣе, кто ты таковъ?

Узникъ. Ты хочешь знать это? — слѣдовательно ты чужестранецъ, а не гражданинъ Новгородскій, когда не можешь меня узнать?

Михаилъ. Я еще тебя никогда не видалъ, и очень молодъ, чтобъ различать черты лица твоего, и узнать съ кѣмъ я говорю.

Узникъ. Этотъ голосъ, меня вопрошающій, приводитъ въ трепетный восторгъ, но я боюсь ошибиться въ этомъ

счастіи.— Скажи мнѣ сперва самъ, ты кто такой?

Михаилъ. Я Михаилъ Новгородскій.

Узникъ. Имя-то, но прозваніе вовсе, мною еще неслыханное въ нашемъ городѣ. — Нѣтъ, ты долженъ быть не уроженецъ Новгородскій.

Михаилъ. Напротивъ я здѣсь родился и воспитанъ покойнымъ гражданиномъ Андреемъ Сильнымъ.

Узникъ. Вотъ это имя добродѣтельнаго человѣка мнѣ очень извѣстно; но онъ не имѣлъ у себя тогда дѣтей. Развѣ.... но этого быть не можетъ!... (прикладываетъ руку къ головѣ своей, убѣленной сѣдинами, и кажется желаетъ что-то припомнить. — Яркій румянецъ покрываетъ его изнуренныя и блѣдныя ланиты, уста остаются отверстыми, и онъ, трепетавъ всѣмъ тѣломъ, прислоняется къ стѣнѣ, чтобъ не упасть). О, Боже милосердый! что со мною дѣлается? ужъ не по-

слѣдняя-ль минута моей жизни ко мнѣ приближается!... О! тогда бы я благословилъ предѣлъ твой, Отецъ Небесный!

Михаилъ. Не отчаявайся въ Его милосердіи и спасеніи! но ты долженъ объявить намъ непремѣнно, кто ты таковъ, чтобъ мы могли дѣйствовать для твоей свободы изъ этого мрачнаго жилища смерти.

Узникъ. Слѣдовательно ты не одинъ когда говоришь мы?

Михаилъ. Со мною другъ и вѣрные служители.

Узникъ. Опять тотъ же сладостный голосъ.... Ахъ еслибъ глаза мои не были помрачены слѣпотою, то я бы въ одно мгновеніе узналъ его. ..

Михаилъ. Кого?

Узникъ (*въ грустномъ размышленіи*). Боюсь сказать: можетъ быть ты и друзья твои есть подкупные убійцы моихъ и его враговъ!...

Михаилъ (*въ смятеніи*). Не воображай этого. — Мы люди всѣ честные и не подвержены никакимъ дурнымъ качествамъ. — Говори съ нами откровеннѣе!

Узникъ (*въ нерѣшимости и, казалось, ужасаясь*). Но если вы ихъ погубите, когда они еще существуютъ въ этомъ мірѣ?

Михаилъ. Кто?

Узникъ. Моя супруга и сынъ.

Михаилъ (*приблизившись къ узнику съ трепетомъ*). Какъ ихъ зовутъ?

Узникъ (*осязая руками Михаила*). Вѣрно, ты хочешь совершить надо мною убійственный ударъ, когда я тебѣ скажу ихъ имена.—Только именно для этого хочу тебѣ сказать свое имя; но если ты человѣкъ, а не чудовище порожденное крокодиломъ, то погубя меня, пощади ихъ!... Дай мнѣ въ этомъ клятву!

Михаилъ. И ты и они останутся въ безопасности, только говори скорѣе! — Я призываю имя Всемогущаго Бога во свидѣтельство моей торжественной клятвы, что ты и они будутъ спасены, хотя бы вы были и враги мои!

Узникъ. Согласенъ теперь удовлетворить твое желаніе. — Я Амфилогій Новославскій, а ихъ зовутъ....

Михаилъ (*съ восторгомъ*). Родитель мой!... (*сжимаетъ узника въ своихъ объятіяхъ*).

Амфилогій. Боже великій! неужели это сонъ? мой сынъ Михаилъ!... (*ощупываетъ его*): ахъ! какъ убійственно быть лишеннымъ зрѣнія въ эту восхитительную минуту! — (*лишается чувствъ*).

Михаилъ, вынеся на открытый воздухъ своего несчастнаго отца, старается возвратить ему чувства, Ахиллесъ ему помогаетъ, а прочіе, смотря на нихъ, проливаютъ слезы.

Амфилогій (*приходя въ память*). Какія сладостныя мечты сновидѣнія!... я его видѣлъ.... я осязалъ его объятія... я слышалъ сладостный голосъ моего сына.... и все этимъ восхитительнымъ сномъ изчезло!... Ахъ! для чего этотъ сонъ не былъ послѣднимъ въ страдальческой моей жизни?

Михаилъ (*проливая слезы*). Родитель мой! это не мечта сновидѣнія, но истина. — Я обрѣлъ тебя.... Я сынъ твой, воспитанный Андреемъ, коему поручила меня Клавдина, моя мать а твоя супруга, съ помощію твоего друга Стефанія.

Амфилогій (*въ восторгѣ*). Такъ это не сонъ? — Я осязаю моего милаго Михаила? слышу драгоцѣнныя имена супруги и друга изъ устъ его?... О, Боже! сколько неизрѣченно Твое милосердіе!... сынъ мой! дай еще разъ обнять себя и скажи, живы ли они, или уже покоются въ вѣчности? —

(*обвиваетъ шею своего сына изсохлыми руками, съ коихъ, во время его безпамятства, сняты были оковы*).

Михаилъ (*сжимая отца въ своихъ объятіяхъ и нѣжно его цѣлуя*). Всѣ живы и будутъ восхищены твоимъ возвращеніемъ въ мой домъ, доставшійся мнѣ въ наслѣдство со всѣмъ имѣніемъ по завѣщанію моего благодѣтеля и втораго отца Андрея Сильнаго.

Амфилогій (*обращая слѣпые глаза свои на небо*). Многомилостивый Господи! какое ты ниспосылаешь мнѣ блаженство послѣ долговременныхъ страданій! чѣмъ могу возблагодарить тебя, Отче Вседержителю? — (*прижимается къ груди своего сына, какъ будто опасаясь вновь его лишиться*).

Михаилъ. — Вѣрно всегдашнія слезы и страданія убѣлили власы твои и ослѣпили зрѣніе, и жестокій голодъ и оковы изнурили твое драгоцѣнное здоровье?

Амфилогій. Ты угадалъ! — Кажется много лѣтъ протекло моей разлуки съ тобою и твоею матерью, когда я, заключенный въ оковы и это подземелье, страдалъ здѣсь изнуряемый голодомъ и насмѣшками моихъ враговъ, которые желая умножить мое мученіе, твердили мнѣ, что ты принесенъ въ жертву мщенія враговъ моихъ, а Клавдина, забывъ меня, вышла за моего друга Стефанія, и живя съ нимъ счастливо, даже благословляетъ свою со мною разлуку.

Михаилъ. Чудовища! — могло ли это когда нибудь статься, чтобъ добродѣтельная Клавдина измѣнила моему несчастному отцу?

Амфилогій. Чего не могло представиться разстроенному воображенію страдальца, — и я оплакивая вѣчную вашу утрату, лишился зрѣнія. — Въ дополненіе къ сему, эти изверги, коихъ лица вовсе были для меня незнакомы, около года тому назадъ, бросили ко

мнѣ три мертвыхъ трупа убитыхъ людей, — и ихъ то смрадный запахъ и всегдашній ужасъ, имѣть столь ужасные предметы предъ своими глазами, довершили мое злоключеніе — и я совершенно лишился зрѣнія.

Михаилъ. Это вѣрно трупы враговъ, пораженныхъ мною и Стефаніемъ, при ихъ на насъ нападеніи въ самомъ подземельи, гдѣ я нашелъ мать мою, сопровожденный туда Стефаніемъ. — Но ты скоро обо всемъ этомъ узнаешь подробно; а теперь не позволишь ли предложить тебѣ нѣсколько капель вина, и что нибудь изъ пищи для подкрѣпленія твоего изнурительнаго положенія?

Амфилогій. Это бы было очень кстати, ибо я уже четыре дня, какъ не имѣю пищи, приносимой мнѣ моими тюремщиками въ ломтѣ черстваго хлѣба и кружкѣ воды, обыкновеннаго моего

пропитанія въ теченіи столько ужасныхъ лѣтъ.

Ахиллесъ! давай сюда скорѣе вина и что получше изъ нашихъ запасовъ, сказалъ Михаилъ своему другу, и поднеся отцу своему кубокъ вина, съ жадностію имъ выпитаго, кормилъ изъ рукъ голоднаго своего отца, проливая слезы, кои также орошали въ изобиліи ланиты Ахиллеса и всѣхъ служителей.

Когда Амфилогій утолилъ свой голодъ и жажду, то Михаилъ предложилъ ему, возвратиться въ городъ, гдѣ онъ хочетъ, представя его и его страданія народу, требовать правосудія и наказанія ихъ враговъ! — Да кто ихъ можетъ уличить? возразилъ Амфилогій, — ни я, ни ты ихъ совершенно не знаемъ, хотя и полагаю я первою злодѣйкою Посадницу Марѳу Борецкую, но, на уличеніе ея и ея сообщниковъ, нужны сильныя и неоспоримыя дока-

зательства, а мы ихъ вовсе не имѣемъ, ибо столь хитро было устроено ими мщеніе надо мною, что я и по сіе время, кромѣ падающихъ на нее моихъ подозрѣній, другихъ уликъ не имѣю.— Однакожъ порядокъ требуетъ мнѣ быть представленнымъ предъ лице народа, чтобъ оный могъ видѣть, до какой степени простирается въ отечествѣ нашемъ ненаказанное злодѣяніе.

Михаилъ согласясь съ благоразумными наставленіями своего отца, не упрекать формально въ семъ злодѣяніи Борецкой, посадивъ на свои рамена отца, какъ второй Эней, спасшій своего изъ пламени погибшей Трои, скоро совершивъ свой путь, вступилъ съ симъ плачевнымъ тріумфомъ въ градскіе вороты, сопровождаемый Ахиллесомъ и своими служителями.

Народъ, пораженный симъ зрѣлищемъ, толпами собирался вокругъ Михаила, несшаго своего отца на

Вадимово мѣсто и слѣдовалъ туда за ними.

Удары вечеваго колокола, заставили Посадницу, трепещущую отъ сего ужаснаго произшествія явиться, въ числѣ всѣхъ гражданъ, на народную площадь, гдѣ уже Михаилъ стоялъ, все еще держа на своихъ раменахъ отца, съ коимъ вошедъ на ступени Вадимова памятника, — давъ знакъ рукою къ молчанію, волнующагося и шумящаго народа, произснесъ къ нему слѣдующую рѣчь:

Граждане Новогородскіе! Вы зрите на моихъ раменахъ отца моего Амфилогія Новославскаго, который, какъ уже вамъ извѣстно, 18 лѣтъ безъ вѣсти пропавшій, обрященъ мной сегоднишнее утро въ ужасномъ подземельи нашего лѣса, изнуренный голодомъ, оковами на рукахъ и на ногахъ; ослѣпленный отъ всегдашнихъ слезъ и страданій, скрытными врагами нашего рода, ему,

его супругѣ, и мнѣ — сыну ихъ въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ, причиняемыхъ обидъ и гоненій, вынуждаютъ меня и родителей моихъ искать вашей защиты и правосудія, противу враговъ нашихъ, умышляющихъ, какъ я провѣдалъ и погибель всего нашего отечества, которое они стараясь подчинить чужеземной власти, возжгли духъ раздора и готовившейся брани съ Іоанномъ Княземъ Московскимъ, который съ воинствомъ наводнивъ окрестности нашего града, не только потребуетъ удовлетворенія своихъ обидъ въ лицѣ его посланниковъ, но и побѣдивъ, можетъ быть, наше воинство, наложить вѣчные оковы рабства! — Граждане! обратите взоры ваши и умы къ познанію тѣхъ, которые вами управляютъ и движутъ по своему хитрому произволу!—сбросьте съ себя постыдную завѣсу безпечности! облекитесь въ одежду воиновъ и мужественныхъ сыновъ своего погибаю-

щаго отечества, — и докажите вашу славу и мудрость въ новой дѣятельности умовъ, въ новомъ героизмѣ вашего мужества и непоколебимой твердости и любви къ отечеству, чтобъ вы, и позднее потомство ваше, гремѣло славою и единодушіемъ въ концахъ вселенной! — Начните сей великій вашъ подвигъ правосудіемъ и отысканіемъ враговъ моего рода, доблестями своими вамъ извѣстнаго, — и тогда Михаилъ вами усыновленный, уже оказавшій вамъ свои слабые услуги, принесетъ послѣднюю каплю своей крови и жизнь для защиты и спасенія своего отечества!

Волнующійся народъ изъявляя ужасныя неудовольствія противу неслыханныхъ злодѣяній, совершающихся съ почтенными гражданами ихъ отечества,— громко требовалъ удовлетворенія обидъ Новославскимъ причиненныхъ — и кричалъ буйно: Михаилъ! покажи

намъ враговъ своихъ — и они въ сіе же мгновеніе будутъ нами осуждены на смерть!... (снимаютъ съ Амфилогія оковы и поднимая оные въ верхъ:) Посадница и народъ Новогородскій! воскликнулъ одинъ изъ знаменитыхъ и добродѣтельныхъ гражданъ: эта ли награда должна быть доблестнымъ такимъ войнамъ и гражданамъ, какъ Амфилогій Новославскій? еще ли попустите совершить въ глазахъ вашихъ столь ужасныя злодѣянія?... И всѣ граждане сими словами еще болѣе раздраженные, дошли до послѣдней точки изступленія — и кричали повсюду: смерть! смерть, врагамъ, дерзнувшимъ обезчестить имя добрыхъ гражданъ — и ищущихъ погибели нашего отечества!

Столь опасное возмущеніе въ народѣ, заставило невольно затрепетать Марѳу, которая, чтобъ успокоить оное, взошла на Вадимово мѣсто, съ коего Михаилъ

сошелъ съ отцемъ своимъ, говорила народу:

Граждане Новогородскіе! ваши блестящіе подвиги и прямодушіе, содѣлавшее васъ извѣстными не только въ пространствѣ цѣлой Россіи, но и въ странахъ чужеземныхъ, требуютъ въ семъ случаѣ благоразумныхъ и дѣятельныхъ разсмотрѣній, касательно приносимыхъ жалобъ Михаиломъ за себя, своихъ родителей и Стефанія съ его дочерью! — Вы сами знаете, что мы прилагали неусыпныя попеченія для открытія скрытныхъ ихъ враговъ, до сего времени еще не отысканныхъ, какъ вновь злодѣяніе ихъ оказалось въ дѣйствіяхъ жестокихъ, противу добродѣтельнаго и храбраго Амфилогія употребленныхъ. — Михаилъ мѣтитъ прямо свое подозрѣніе на Борецкихъ, изъ коихъ рода осталась я единою съ моею дочерью Ксеніею. — Но, вы знаете, граждане, причастна ли я

когда нибудь была въ подобныхъ злодѣяніяхъ? — Произносили-ли когда уста мои хотя одно слово потемняющее честь Новославскихъ? не употребляла-ли я всѣхъ моихъ стараній для блага моего отечества, чтобъ охраняя его отъ внезапныхъ нападеній со стороны Князя Московскаго, пріобщить въ дружескій союзъ Короля Польши, обѣщавшаго свои войска присоединить къ нашимъ — и тѣмъ поддержать славу, спокойствіе и цвѣтущую торговлю Новгорода, коего пріобрѣтаемые богатства родили зависть въ Іоаннѣ чинить свои несправедливыя требованія отъ насъ, и въ случаѣ отказа имѣть какъ бы резоны объявить намъ войну. — Всѣ сіи мои попеченія, любовь къ отечеству, и безпорочное мое поведѣніе въ занимаемой мною должности Посадницы, можетъ-ли кто нибудь изъ гражданъ упрекнуть меня въ бездѣйствіи, или въ неусыпности моихъ тру-

довъ, клонящихся къ благоденствію гражданъ?

Многіе изъ друзей Марѳы: Никто! никто! Марѳа всегда была для насъ благоразумною, кроткою и правосудною Посадницею!

(Марѳа продолжаетъ):

Граждане! Пусть Михаилъ, его родители и Стефаній съ дочерью, покажутъ хотя одного врага своего, и уличатъ меня въ сношеніи съ ними! — Тогда я подвергаюсь суду народа — и готова получить достойное наказаніе за таковое приступленіе!...

Шумъ, произшедшій среди народа, раздающагося на двѣ стороны, прервалъ слова Посадницы.

Клавдина извѣщенная молвою о возвращеній своего сына въ городъ съ ея

супругомъ, съ трепетнымъ восторгомъ бросилась бѣжать на народную площадь. Стефаній съ дочерью и многими служителями послѣдовали за нею.

Достигнувъ народнаго собранія, Клавдина, очищая себѣ дорогу, гдѣ сынъ ея съ Амфилогіемъ находились, увидѣвъ послѣдняго, съ жалобнымъ воплемъ бросается къ нему въ объятія и лишается чувствъ. — Амфилогій, пораженный гласомъ супруги своей, повисшей на его шеѣ, не въ силахъ выдержать такого восхищенія, шатается и упадаетъ на землю съ своимъ драгоцѣннымъ бременемъ — и также лишается чувствъ — Стефаній и Софія, съ служителями и гражданами стараются имъ помочь, но закостенѣлыя ихъ объятія и слившіяся уста не возможно было раздѣлить. — Весь народъ пораженный симъ новымъ печальнымъ зрѣлищемъ, прослезился и проклиналъ злодѣевъ, погубившихъ столь достойную и нѣжную чету.

Михаилъ (въ волненіи, показывая на своихъ родителей): граждане! Вы зрите предъ собою злополучныхъ моихъ родителей, 18 лѣтъ злодѣями разлученныхъ! Кто мнѣ можетъ замѣнить ихъ, когда они въ семъ положеніи лишатся жизни? — Можетъ ли хоть одно чувствительное сердце гражданъ моихъ не содрогнуться, видя столь плачевное позорище предъ своими взорами? — Ктожъ ихъ и мои враги? — Не ужели они пришли въ нашъ городъ изъ чужихъ странъ, чтобъ излить весь ядъ злодѣянія на родъ однихъ только Новославскихъ? — Кто же былъ зажигателемъ дома моихъ родителей и моего собственнаго? — Не ужели эти пришлецы, чрезъ 18 лѣтъ опять сюда явилися, и собственно только для пагубы однихъ Новославскихъ! — Если такъ, то вѣдь они должны же гдѣ нибудь въ нашемъ городѣ быть укрываемы? — Ни отецъ мой, ни мать, ни я, ни Стефаній съ

дочерью своею, а моею супругою, не показали ни малѣйшей даже тѣни огорченія гражданамъ, кромѣ нашей любви, услугъ, самыхъ пламенныхъ желаній видѣть всегда въ благоденственномъ и процвѣтающемъ счастіи и спокойствіи любезное наше отечество! — Слѣдовательно могутъ ли быть изъ числа ихъ наши враги и гонители? — Не справедливо ли падаютъ мои подозрѣнія на Борейкихъ, когда они всегда были явными и скрытными врагами Новославскихъ? — Мудрено ли, что и потомки Борецкихъ, равную питая ненависть съ своими предками, содѣлались гонителями Новославскихъ, чтобъ воспрепятствовать отцу моему Амфилогію занять мѣсто посадника Новогородскаго, коимъ избралъ его народъ, по благоразумію и доблестнымъ подвигамъ, имъ оказаннымъ отечеству! — Какъ въ тоже время домъ его и все великое богатство предано пожирающему пламени,

и онъ содѣлавшись нищимъ, удалился въ мрачное подземелье нашего лѣса, но и оттуда, похищенный злодѣями, страдалъ въ ужасномъ заключеніи 18 лѣтъ, — и злоба ихъ простерлась на меня, мать мою и Стефанія съ дочерью! — Теперь вопрошаю: кто же можетъ быть врагомъ Новославскихъ, когда они никому не причинили вреда и были добрыми гражданами? — Равно, для какой причины Марѳа пригласила короля Польши, вступя съ нимъ въ союзъ, дѣйствовать противу силъ Московскаго князя, угрожающаго войною Новгородъ? — Не для того ли самаго предмета, чтобъ наводнивъ наше отечество иноплеменными, подвергнуть его двумъ опасностямъ вдругъ, со стороны Іоанна и короля Польши, изъ коихъ первый требуетъ присоединенія Новгорода къ своему самодержавству, а послѣдній, если мы одержимъ побѣду надъ воинствомъ Мовковскаго князя, такой на-

грады, которая не менѣе будетъ для насъ пагубна; въ коемъ приглашеніи Польскихъ войскъ не отечество зритъ свою выгоду и пользу, но та, которая управляла умами гражданъ съ сильною партіею своихъ друзей, ищетъ содѣлаться главою Новогорода чрезъ соединеніе съ королевичемъ Польскимъ. — Вотъ все, что я знаю и долженъ былъ объявить моимъ гражданамъ, которые обязаны все сіе развѣдать съ благоразуміемъ и опытностію, чтобъ въ позднемъ раскаяніи не винить самихъ себя.

Окончивъ рѣчь свою, которою жестоко поразилъ Марѳу, совсѣмъ неожидавшую такихъ справедливыхъ и опасныхъ представленій народу, Михаилъ, очувствовавшихся своихъ родителей взялъ подъ руки, съ сопровожденіи своего семейства, служителей и самыхъ знаменитыхъ изъ гражданъ Новогород-

скихъ, возвратился въ свой домъ, исполненный радости и восхищенія отъ новаго обрѣтенія родителя ихъ владѣльца.

Соединившіеся друзья болѣе всего старались возстановить упадшее здоровье Амфилогія, коего слѣпота лишила счастія, въ полнотѣ чувствъ своихъ, наслаждаться лицезрѣніемъ своего семейства, но и этому горю обѣщался искуснѣйшій врачъ Леонъ помочь. — Онъ точно исполнилъ общее и единственное желаніе сего счастія для друзей, и снявъ темную завѣсу съ глазъ Амфилогія, чрезъ мѣсяцъ возвратилъ ему настоящее зрѣніе.

Какой восторгъ! Какое восхищеніе произвелъ возвратъ зрѣнія отца семейства, который ясно уже узнавалъ всѣхъ его окружающихъ, и не зналъ, на комъ изъ нихъ остановить свои исполненные радостію вворы! — Однакожъ онъ бо-

лѣе другихъ восхищался своею Клавдиною и сыномъ, который, въ полной красотѣ своей, возвышался какъ величественный дубъ, среди окружающихъ его прекрасныхъ деревъ. — Прелести невѣстки, ея обворожающія добродѣтели, кротость и нѣжныя ласки, съ коими она пеклась о его спокойствіи и выздоровленіи, заставили Амфилогія отдать Софіи преимущество предъ всѣми другими особами, его окружающими.

Благоденствіе сего семейства нарушилось открытіемъ ранъ у Михаила, не вовсе еще залеченныхъ, чему причиною, по увѣренію врача, было сверхъестественное напряженіе его силъ при отпорѣ замковъ въ подземельѣ, частыя пребыванія на охотѣ въ лѣсу, во время ужасной стужи и непогодъ, и въ дополненіе воспаленія въ крови отъ радостныхъ восторговъ обрѣтенія своего отца, и усилій съ непріятными чув-

ствами представить народу злоухищренія враговъ своего семейства. — Однакожъ онъ ручался за его скорое выздоровленіе, и тѣмъ нѣсколько успокоилъ его родителей и супругу, впадшихъ было отъ сей опасности Михаила въ отчаяніе.

Весна уже наступила и вся природа облеклась въ прелестную одежду. — Поля покрылись яркою зеленью и цвѣтами, древа листьями, среди коихъ, возвратившіеся пернатые ихъ обитатели, восхищали своими пѣснями слухъ. — Ручьи, переливаясь златомъ и сапфиромъ, катили алмазныя струи свои среди развѣсистыхъ кустовъ въ лугахъ, гдѣ разные зефиры, порхая, разносили прохладу и ароматическій запахъ цвѣтовъ, испещряющихъ злачныя долины.

Все наслаждалось новою жизнію и дышало радостію и веселіемъ, кромѣ

унылыхъ Новогородцевъ, готовящихся къ грозной брани съ Іоанномъ Московскимъ Великимъ Княземъ, который по справедливости, оскорбленный ими въ лицѣ своихъ посланниковъ, рѣшился наконецъ наказать дерзость Новогородцевъ — и подчинить сію цвѣтущую область своему владѣнію.

Смущенные Новогородцы, услышавъ, что Іоаннъ съ мночисленнымъ своимъ войскомъ идетъ къ ихъ городу, поздно уже узнали коварство своей посадницы. — Польша не присылала къ нимъ вспомогательныхъ войскъ, и они одни должны были рѣшиться дѣйствовать своими силами противу силы, превышающей ихъ числомъ, храбростію и опытностію въ военныхъ подвигахъ.

Граждане, избравъ знаменитыхъ изъ людей посадскихъ, отправили ихъ съ моленіями къ Амфилогію и Михаилу,

принять начальство надъ ихъ легіонами и вести ихъ на брань съ Іоанномъ. — Но первый отказался слабымъ зрѣніемъ и здоровьемъ, а послѣдній не вовсе излеченными своими ранами; что и было весьма справедливо. — И потому избранъ былъ по совѣту посадницы юный Мирославъ, юноша съ отличною наружностію, благоразуміемъ и храбростію, быть военачальникомъ Новогородскихъ легіоновъ, коего привлекла болѣе на свою сторону Марѳа, обрученіемъ ему своей прекрасной дочери Ксеніи.

Вскорѣ многочисленное ополченіе, предводительствуемое самимъ Іоанномъ Московскимъ Княземъ, покрыло разноцвѣтными своими ставками поля Новогородскія. Все готовилось къ грозной, рѣшительной и ужасной брани.

Мирославъ и Михаилъ храбрый дѣ-

лали частыя вылазки изъ города, чинили вредъ Московскому стану, и возвращались въ Новгородъ съ плѣнными и добычею.

Наконецъ наступилъ день кровавой битвы. — Новогородцы многими фалангами выступили изъ городскихъ воротъ въ поле, неся Хоругвь своего отечества, или главное знамя. — Гости чужеземные, соединенные дружбою, рѣшились быть участниками за Новогородцевъ въ сей войнѣ, съ своими разноцвѣтными флагами шли также особенными отдѣленіями съ легіонами Новогородскими.— Поданъ былъ сигналъ къ битвѣ, — и Новогородцы, предводительствуемые Мірославомъ, сломивъ первое ополченіе Московскихъ воиновъ, провозгласили побѣду, но когда въ сей битвѣ палъ ихъ полководецъ, пораженный богатыремъ Василіемъ Образцовымъ, бывшимъ въ числѣ тѣлохранителей Іоан-

новыхъ, то Новогородцы, сбитые Московскими легіонами во всѣхъ пунктахъ, оставивъ множество своихъ ранеными и убитыми, предались бѣгству.

Іоаннъ, воспользовавшись первою побѣдою, купленною цѣною крови своихъ воиновъ, падшихъ въ сей кровопролитной и ужасной битвѣ, — давъ отдохновеніе своему воинству, двинулъ оное къ стѣнамъ города и облегъ его осадою со всѣхъ сторонъ.

Новогородцы, поощряемые къ новымъ подвигамъ своею Посадницею, рѣшились до послѣдняго вздоха защищать свой городъ.

Нѣсколько приступовъ, сдѣланы Іоанномъ безъ успѣха, ибо граждане, защищающіе городъ, бросали въ осаждающихъ горящія бревна, лили кипящую смолу и воду — и причиняя ужасный

вредъ Московскимъ воинамъ, заставляли ихъ оставлять начатую осаду.

Благоразумный князь Московскій, усмотрѣвъ гибель своего народа, предлагалъ Новогородцамъ миролюбныя предложенія въ здачѣ города, обѣщаясь за сіе не лишать ихъ свободы; но Новогородцы, подстрекаемые Марѳою не внимать предложеніямъ Іоанна, ему отказали. — Тогда Іоаннъ, узнавъ чрезъ лазутчиковъ о тайныхъ путяхъ, коими снабжался Новгородъ съѣстными припасами, велѣлъ оные запереть, какъ равно и воду, имѣвшую сообщеніе съ городомъ. Тутъ то несчастные жители увидѣли уже явную свою погибель, когда ужасный голодъ отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ и воды, произвелъ моръ между народомъ, въ большемъ количествѣ умирающемъ, и воиновъ изнуренныхъ, не могущихъ за-

щищать городъ и держать оружія въ рукахъ своихъ.

Новогородцы, видя всеобщую гибель, перестали уже болѣе внимать совѣтамъ своей Посадницы, удалявшейся съ своею дочерью въ высокой теремъ оплакивать свою изчезнувшую славу и неминуемую смерть, когда Іоаннъ сдѣлается властелиномъ ихъ города, — рѣшились здать сему князю городъ и просить его милосердія и пощады.

Несчастные граждане, опасающіеся Іоаннова гнѣва, единодушно избрали Михаила Новославскаго быть посадникомъ и ходатаемъ за гражданъ своихъ у Іоанна, и Михаилъ, побужденный къ сему своими родителями и Стефаніемъ, согласясь на желаніе своихъ гражданъ, съ многочисленною свитою Новогородцевъ, несшихъ серебряное блюдо съ златыми ключами отъ города, прибли-

жился смѣло и величественно къ богатой ставкѣ Іоанна, который, съ удовольствіемъ взирая на грядущихъ гражданъ къ нему съ смиреніемъ и покорностію, удивленъ былъ геройскимъ видомъ и осанкою Михаила.

Вошедъ въ ставку Московскаго князя, Михаилъ и его сопровождающіе преклонили предъ Іоанномъ свои колѣна, и Новославскій, свободнымъ, твердымъ и убѣдительнымъ голосомъ произнесъ къ нему слѣдующую рѣчь:

Великій князь Московскій и Царь православный всея Россіи! Ты зришь у подножія твоего престола гражданъ Новогородскихъ въ лицѣ всего народа, побѣжденныхъ твоею громкою славою о мудрости твоей, правосудіи и человѣколюбіи, пришедшихъ просить твоего помилованія и пощады ихъ города,

отцовъ и семействъ ихъ, осыпанныхъ бѣдствіями, голодомъ и смертностію, усилившеюся до послѣдней точки погибели и отчаянія, прости ихъ твоимъ царскимъ словомъ, что они дерзнули возстать противъ тебя съ оружіемъ въ рукахъ, причисли и ихъ въ число твоихъ вѣрноподданныхъ и прекрати своимъ великодушіемъ ихъ страданія, да подъ новымъ покровомъ твоимъ обрящутъ они своего защитника, отца и спасителя ихъ жизни, въ тебѣ, великій государь!

Іоаннъ (*растроганный*). Я съ величайшимъ удовольствіемъ пріемлю Новогородцевъ въ мое покровительство — и въ завѣтъ сего даю мое царское слово въ сіе же время прекратить ихъ бѣдствіе и быть имъ вмѣсто отца. — Я знаю, что не граждане сего города были виною много пролитой крови, но одна злоковарная жена, которая, отвер-

гая миролюбныя мѣры, возжгла духъ раздора и гибельный пожаръ въ умахъ и душахъ Новогородцевъ; — и заставила меня уже рѣшительнымъ ударомъ, привести ихъ въ мое законное наслѣдіе. — Богъ, благословившій мое оружіе, даровалъ мнѣ гораздо пріятнѣйшую побѣду безъ кровопролитія надъ Новогородцами, смирившимися предо мною, кои отъ нынѣ пребудутъ для моего сердца любезными подданными и доблестными сынами отечества. Добрый юноша! гряди обратно въ градъ вашъ — и возвѣсти всѣмъ жителямъ мое прощеніе, защиту и спасеніе! — Гдяди. Я вскорѣ послѣдую за вами въ градъ сей и прекращу ваши бѣдствія.

Михаилъ съ своею свитою обласканный Іоанномъ, съ веселымъ лицемъ возвратясь въ свой городъ, объявилъ, находящимся еще въ страхѣ гражданамъ, о словахъ и обѣщаніяхъ Московскаго

Великаго Князя, — и тѣмъ наполнилъ сердца и души ихъ восторгомъ.

Вскорѣ Іоаннъ, сопровождаемый блистательною своею свитою, стрѣльцами и большимъ полкомъ, вступилъ въ врата Новгорода, гдѣ былъ встрѣченъ духовенствомъ, съ образами и хоругвіею отечества, несомою Михаиломъ съ хлѣбомъ солью на златыхъ блюдахъ — и сѣвъ на устроенномъ для него престолѣ, на городской площади — далъ знакъ рукою — и произнесъ къ народу сію краткую рѣчь:

Доблестные Новогородцы! съ радостію принимая васъ въ мое подданство — и снисходя, отъ справедливаго на васъ гнѣва, къ милосердію, я вторично подтверждаю мое царское слово, даровать вамъ нашу милость, пощаду и быть навсегда вашимъ покровителемъ и отцемъ. — Вы безвинны, про-

тивоборствуя моимъ храбрымъ легіонамъ и моей власти, внушенные хитрою вашею Посадницею, и потому, прощая васъ въ причиненныхъ, въ лицѣ моемъ посламъ, оскорбленіяхъ, да сію жъ минуту представлена будетъ сія коварная жена для отчетовъ предъ мои взоры. — Вы увидите мое правосудіе — и то милосердіе, которое можетъ пощадить виновныхъ, принесшихъ чистосердечное раскаяніе.

Народъ радостными кликами изъявилъ свою преданность Іоанну — и Марѳа представлена была Князю Московскому, одѣтая въ черную одежду, съ кипарисовымъ вѣнкомъ на главѣ, съ юною своею дочерью Ксеніею. — Она съ величественною осанкою приближалась къ Іоанну.

Іоаннъ (*съ гнѣвомъ*). Марѳа! безъ тебя Новогородцы и понынѣ наслажда-

лись бы миромъ. — Ты одна виновница ихъ золъ! — ты развратила умы твоихъ гражданъ! — ты хотѣла ихъ подчинить королю Польши и властвовать надъ ними неограниченно! — Но Богъ, зрѣвшій на твои коварства, подвергъ тебя моей власти, чтобъ избавить Новогородцевъ отъ вѣрной погибели и стыда носить оковы, наложенные иноплеменными и твоею хитростію.

Дерзкая! Ты вывела меня изъ терпѣнія. Я произношу для тебя смертный приговоръ! погибни ты одна лютая и коварная предательница своего отечества! — и своею одною смертію заплати мнѣ за всѣ твои жестокія оскорбленія и гражданъ сихъ неминуемое злоключеніе, если бъ они не умилостивили меня своею покорностію!...

Михаилъ. Государь! Пощади несчастную не для нея, но для сей сироты

ея дочери и докажи своимъ первымъ человѣколюбіемъ твое правосудіе, могущее успокоить твоихъ новыхъ подданныхъ!

Марѳа. Михаилъ! оставь меня моей плачевной участи! — и знай, что за добродѣтели твои, я заплатила пагубою твоего семейства, чрезъ меня страдавшее — и прости меня предъ концемъ моей жизни въ этомъ невольномъ злоумышленіи, ибо я на тебѣ основывала всѣ свои надежды, властвовать въ Новгородѣ, но ты своею добродѣтелью разрушилъ всѣ мои планы — и спасая свое отечество, подчинилъ его Іоанну!

Іоаннъ (*къ народу*): Новогородцы! жена преступная и коварная сама себя погубила! Но я вамъ всегдашній отецъ и покровитель! — Да не прольется кровь ни одного изъ васъ.... будьте спокойны! — Сказавъ сіе, Іоаннъ сошелъ съ

своего мѣста, и въ сопровожденіи народа послѣдовалъ въ домъ Михаила, который имъ былъ избранъ въ правители города, гдѣ пробывъ три дня и устроя общественый порядокъ, возвратился съ своимъ войскомъ въ Московскую столицу.

Михаилъ, всегда вѣрный своему государю и любимый Новогородцами, жилъ въ полномъ благоденствіи — и оставилъ по себѣ многочисленное потомство, которое славилось доблестными добродѣтелями и геройствомъ.

КОНЕЦЪ.

W381.5917N-Zr8m

W117245